

(Соврем. 18.)

Г. Уфот

(Л. Уфот)

1840

ГЕЛЬСИНГФОРСЬ.

Приближается лето, и скоро толпы Петербургских жителей устремятся въ разныхъ направленіяхъ по волнамъ Финскаго залива. Многіе поспѣшатъ и въ Гельсингфорсъ: одни для здоровья, другіе для препровожденія времени, третьи изъ любопытства. Число послѣднихъ въ нынѣшнемъ году должно увеличиться противъ прежняго, потому особенно, что столица Финляндская представитъ въ будущее лето два необыкновенныхъ торжества: освященіе недавно отстроенной Лютеранской церкви и празднованіе двухсотлѣтняго существованія Александровскаго университета. Можетъ быть, и между читателями Современника найдутся намѣревающіеся посѣтить вскорѣ Гельсингфорсъ. Для нихъ постараюсь собрать

ИОРИСТ

воспоминанія, оставшіяся во мнѣ послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ тамъ въ 1838-мъ и 1839-мъ годахъ.

Многіе города Финляндіи, стоя то у залива морскаго, то у озера, и часто на возвышенности, отличаются красотою мѣстоположенія, но безобразны домами и улицами. Гельсингфорсъ красавецъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи, но красавецъ еще развивающійся, полудикій, исполненный противоположностей и странно поражающій путешественника, особенно Петербургскаго жителя, вокругъ котораго все такъ правильно, стройно, гладко. Напротивъ въ Гельсингфорсъ, рядомъ съ пріятнымъ искусствомъ, видишь природу мрачную и грозную. На сѣрыхъ, чудовищныхъ массахъ гранита высятся тамъ величавыя, яркія зданія и башни; прибывъ съ береговъ Невы, невольно припоминаешь ихъ, думаешь на мгновенье, что не разлучался съ ними; но внезапно уронивъ взоръ на рядъ дикихъ скалъ, убеждаешься, что перенесся въ какое-то новое царство.

Не должно однако жъ полагать, что весь Гельсингфорсъ состоитъ изъ каменныхъ домовъ и прямыхъ улицъ. Только центръ его, набережную у пристани и нѣкоторыя отдѣльныя части должно разумѣть, когда говорится о красотѣ Финской Пальмиры. Между зданіями ея особенно бросается въ глаза церковь св. Николая, о которой мы уже упомянули:

она господствуетъ надъ цѣлымъ городомъ своею бѣлою главою, увѣнчанной, подобно нашему Троицкому Собору, голубымъ куполомъ съ золотыми звѣздами. Финляндія никогда еще не видывала въ своихъ предѣлахъ столь изящнаго, и, за исключеніемъ развѣ древней Абоской церкви, столь огромнаго храма. Финляндскія церкви, по большей части, стары и некрасивы. Многія изъ нихъ построены еще во времена католическія, и состоятъ изъ двухъ отдѣльно одно отъ другаго подымающихся зданій. Главное, самая церковь, имѣетъ видъ широкаго и длиннаго, но не очень высокаго дома съ чрезвычайно крутою крышей; а другое, колокольня, есть башня въ нѣсколько ярусовъ, изъ которыхъ нижній и самый широкій обыкновенно соединяется съ прочими посредствомъ покатой кровли. Такія церкви встрѣчаются и по дорогамъ, и въ нѣкоторыхъ городахъ Финляндіи, на примѣръ въ Борго. На дорогахъ, возлѣ этихъ зданій тянется иногда рядъ открытыхъ спереди деревянныхъ домиковъ или сараевъ: здѣсь поселяне, прїѣзжающіе изъ окружныхъ мѣстъ, укрываютъ на время богослуженія свои повозки.

Но мы уже слишкомъ удалились отъ Гельсингфорса. Николаевская церковь видна не только изъ всѣхъ концовъ города, но и изъ отдаленныхъ его окрестностей. При тамошнемъ гористомъ мѣстоположеніи нерѣдко показывается только вершина ея, почти одинъ крестъ; но пройдеши нѣсколько шаговъ, и

вдругъ вся глава будто выплываетъ изъ бездны. Церковь эта занимаетъ одну сторону сенатской площади, составляющей нѣкоторымъ образомъ палладіумъ Гельсингфорса: здѣсь храмъ наукъ — университетъ, и храмъ правосудія — сенатъ стоятъ лицомъ къ лицу, а въ сторонѣ, между ними, красуется храмъ Божій, будто подающій руку каждому изъ нихъ и связующій оба.

Между боковыми частями города однѣ наполнены новыми деревянными домами, другія напоминаютъ еще младенчество Гельсингфорса. Тутъ извивается полоса ветхихъ темнокрасныхъ домишекъ съ двухъ-ярусными крышами; тамъ высится на скаль старая вѣтреная мельница, а поодаль нѣсколько пошатнувшихся отъ времени сараевъ. Въ одномъ мѣстѣ немощеная улица, въ другомъ смрадное болото, вокругъ котораго желающіе строиться получаютъ землю бесплатно. Все это придаетъ Гельсингфорсу видъ ^бчрезвычайно разнообразный, занимательный — видъ города еще не готоваго, но подвигающагося съ неимоверною быстротою. Можно, такъ сказать, слѣдить ежеминутно за каждымъ его шагомъ; онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ — и не только видно, слышно даже, какъ онъ растетъ. Громкій гулъ даетъ знать о всякомъ новомъ уголкѣ, исторгнутомъ здѣсь рукою чловѣка изъ-подъ владычества скупой природы: скалы, препятствующія распространенію или украшенію города, раздробляются порохомъ, и

каждый взрывъ гремитъ будто пушечный выстрѣлъ. Вотъ строящійся домъ, вотъ уравниваемая улица, вотъ садъ, обьщающій тѣнь деревъ и благовоніе цвѣтовъ въ мертвой области камня. Какъ много остается еще сдѣлать, но какъ много уже сдѣлано! Изумительна побѣда, какую человекъ одерживаетъ здѣсь надъ природою. Приготовивъ тысячи преградъ его трудолюбію, она какъ-бы осудила эти мѣста на вѣчную смерть, какъ-бы назначила имъ вѣчно оставаться пустынею. Но терпѣніе людское не знаетъ препонъ: прямыя, широкія улицы раздѣлили тѣсныя утесы; цвѣтущая земля одѣла печальную наготу гранита; исполины зодчества вознеслись на хребтахъ его; просвѣщеніе и промышленность водворились въ царствѣ безплодія.

Но эта борьба, еще продолжающаяся, никогда не кончится совершенною побѣдой, и отъ того здѣсь столько противоположностей. Чудно, ставъ на какую-нибудь возвышенность, видѣть съ одной стороны свѣтлый заливъ морской, опоясанный угрюмыми скалами и лѣсомъ, а съ другой живописный городъ въ вѣнцѣ бѣлыхъ зданій и башень.

Вообще, въ прекрасныхъ видахъ здѣсь недостатка нѣтъ, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ преимущественно участвуетъ природа, носятъ характеръ, болѣе или менѣе общій всему краю. Воды, усѣянные островами, то состоящими изъ голаго камня, то по-

крытыми зеленью, и вокругъ этихъ водъ цѣпь изъ скалъ, полей и лѣсовъ — вотъ главныя черты видовъ Финляндскихъ. Въ какой невыразимой красотѣ представляется изъ Гельсингфорса въ ясный лѣтній вечеръ тихое море! Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега высятся на скалистыхъ островахъ, соединенныхъ мостами, мрачныя твердыни Свеаборга; далѣе влѣво зеленѣются небольшіе острова съ веселыми домиками, а вправо поднимаются изъ водъ и будто съ завистію смотрятъ въ противоположную сторону нагія головы подводныхъ скалъ. Сзади, нѣсколько влѣво, багровое солнце медленно склоняется къ сѣрымъ утесамъ, по выраженію Тегнѣра, *стерегущимъ заливъ* — и скоро потонетъ за гребнями ихъ; впереди лучи его упираются въ окна Свеаборгскихъ зданій и, кажется, внутренность крѣпости наполнена пламенемъ.

Въ этотъ драгоценный часъ спѣшите за-городъ къ приморской крутой скалѣ Ульрикасборгъ, у подошвы которой выстроены купальни, а далѣе отъ берега заведеніе минеральныхъ водъ. Долго прекрасный видъ будетъ скрываться отъ васъ; но только-что вы ступите на возвышенность, чрезъ которую пролегаетъ шоссе, онъ вдругъ ослѣпитъ взоры ваши. Продолжайте путь; миновавъ заведеніе, взберитесь на высокую скалу, стоящую вправо отъ шоссе и по которой вьются изсѣченныя въ камень дорожки и лѣсенки. Тамъ, на вершинѣ, ожидаетъ васъ чудное зрѣлище, и особенную прелесть придаютъ ему пару-

са, въ разныхъ мѣстахъ бѣлющіеся. Но васъ манитъ къ берегу купальный домикъ; спуститесь, войдите туда; Языковъ шепчетъ вамъ: «Одежду прочь... и бухъ!»

Гельсингфорсъ занимаетъ полуостровъ, выдающийся изъ верхняго берега Финскаго залива, но онъ первоначально возникъ не на этомъ мѣстѣ. Въ 1550 году Шведскій король Густавъ I Ваза, заботясь объ улучшеніи жалкаго въ ту пору состоянія Финляндіи, основалъ городокъ верстахъ въ семи къ сѣверовостоку отъ нынѣшняго Гельсингфорса при впаденіи рѣчки Ванды въ Финскій заливъ. Новое селеніе было названо по имени Шведской провинціи *Гельсингландіи*, откуда еще при первыхъ завоеваніяхъ Шведовъ въ Финляндіи, въ XII вѣкѣ, переселены были многіе жители на сѣверный берегъ Финскаго залива. Незначительный водопадъ, образуемый Вандою въ томъ мѣстѣ, гдѣ заложенъ былъ городъ, послужилъ къ дополненію названія его: *форсъ* (*Fors*) значитъ водопадъ.

Но при возраставшей торговлѣ стараго Гельсингфорса, тогдашнее положеніе его, особенно по мелкости гавани, оказалось неудобнымъ. Графъ Петръ Браге (Pehr Brahe), назначенный во время малолѣтства королевы Христины генераль-губернаторомъ Финляндіи, и которому край сей такъ много обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ, убѣдился въ необходимости приблизить Гельсингфорсъ къ морю, и по его-то настоянію Швед-

ское правительство въ 1639 году издало декретъ о переведеніи города на нынѣшнее его мѣсто. Но это перемѣщеніе окончательно совершено было не ранѣе 1642-го года; съ тѣхъ поръ первоначальное селеніе стало постепенно упадать, и наконецъ обратилось въ деревню, извѣстную и теперь еще подъ именемъ *Стараго-города* (Gammal-stad.)

На новомъ мѣстѣ своемъ Гельсингфорсъ испыталъ разнаго рода бѣдствія. Такъ въ неурожайные годы 1695—1697 свирѣпствовалъ тамъ страшный голодъ, по случаю котораго одинъ старинный туземный писатель говоритъ: «можетъ ли у кого-либо сердце не обливаться кровью при разсказѣ отцовъ нашихъ, что голодные, скитаясь по улицамъ, падали другъ на друга? Можетъ ли кто слышать безъ горести, что многіе вживъ ложились въ могилу и тамъ ожидали конца своимъ мукамъ? Они сами избирали мѣсто, гдѣ бы изнеможенные кости ихъ могли обрести успокоеніе. Ихъ изодранные рубища должны были служить имъ и саваномъ и гробомъ; ослабѣвшія ноги погребальными носилками; а голодный желудокъ — поѣздомъ, провожающимъ къ жилищу мира.» Пропуская другія несчастія, посѣтившія Гельсингфорсъ, упомянемъ только о двухъ пожарахъ, которые въ 1761-мъ и 1809-мъ годахъ истребили большую часть города *. Возобновленный послѣ втораго изъ нихъ,

* ~~Одинъ изъ этихъ пожаровъ, безъ сомнѣнія первый, какъ самый давній, послужилъ поводомъ къ подписи, кото-~~

онъ однако жъ оставался въ ничтожество до 1819-го года, когда сюда переведена была изъ Або, вмѣстѣ съ присутственными мѣстами, столица Великаго Княжества. Но благодѣяніемъ, рѣшительно устроившимъ судьбу Гельсингфорса, было перемѣщеніе сюда въ 1828-мъ году университета, который прежде процвѣталъ въ Або, а въ сентябрѣ 1827 сдѣлался, почти съ цѣлымъ городомъ, жертвою пламени. Къ этому превосходному учрежденію возвратимся мы послѣ, а теперь займемся предметами менѣе важными.

О Гельсингфорскомъ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ и купалень было уже писано не разъ, и оно дѣйствительно заслуживаетъ тѣ похвалы, которыя всѣ единодушно воздаютъ ему. Воды приготавливаются съ необыкновеннымъ тщаніемъ по системѣ знаменитаго Берцелиуса, а здоровый климатъ приморскаго мѣста и пріятный образъ жизни, доставляемый пріѣзжимъ сколько радушіемъ Финляндцевъ, столько и дешевизною всехъ потребностей, еще болѣе обезпечиваютъ успѣхъ леченія. Къ тому же, Финляндія можетъ похвалиться искусствомъ своихъ

~~ран-долго~~ красовалась надъ алтаремъ старинной Лютеранской церкви, нынѣ стоящей въ запустѣніи посреди сенатскаго двора. Вотъ эта надпись:

Du stad, o Helsingfors! din gamla synd lägg af

Att du ej seglamå ännu en gång i qvaf.

т. е. Ты, о городъ Гельсингфорсъ! покинь старыя грѣхи свои, чтобъ тебѣ еще разъ не претерпѣть кораблекрушенія.

врачей, на образованіе коихъ обращается здѣсь особенная заботливость. По уставу Александровскаго университета, никто не можетъ поступить въ медицинскій факультетъ, не достигнувъ напередъ степени магистра по философскому. Замѣчательно, что до сихъ поръ въ цѣломъ Великомъ Княжествѣ нѣтъ ни одного гомеопата. Видно, система Ганеманна, требующая отъ своихъ послѣдователей вѣры въ невѣроятное, несогласна съ холоднымъ и разсудительнымъ умомъ Финляндцевъ.

Минеральныя воды давно уже приготовляются въ Гельсингфорсѣ; но прежде желавшіе пользоваться ими стекались для того въ ботаническомъ саду, гдѣ онѣ продавались въ кружкахъ. Между-тѣмъ общество акціонеровъ учредило на этотъ конецъ особое заведеніе, выстроенное съ преодоленіемъ чрезвычайныхъ трудностей на сглаженной скалѣ и открытое только въ 1838-мъ году. Оно соединяетъ въ себѣ не только все, чего требуютъ польза и удобство посѣтителей, но даже и нѣкоторую роскошь. Чтобы врачующіеся могли разнообразить предписанное имъ утомительное движеніе, поставлены въ разныхъ мѣстахъ качальныя скамьи (gungbräd) *, устроены игры кегельная и билиардная. Большой садъ, котораго разведеніе на гранитѣ представляло неимовѣрныя пре-

* У насъ онѣ извѣстны подъ именемъ Курляндскихъ: длинная упругая доска, подпертая только съ обонхъ концовъ двумя столбиками.

пятствія, конечно не успѣлъ еще разростись и сгуститься, но по очаровательному мѣстоположенію своему общаетъ со-временемъ прекрасное гульбище. Заведеніе называется Ульрикасборгскимъ по имени уже знакомой намъ прибрежной скалы, нѣкогда служившей основаніемъ укрѣпленій, въ послѣдствіи скрытыхъ. Садъ, расположенный между ея подошвой и домомъ минеральныхъ водъ, восходитъ живописно и на самыя ребра ея, до вершины. Отъ города до этого мѣста версты полторы; оно находится на концѣ длиннаго мыса, выдающагося въ море вправо отъ пристани. Вдоль всего мыса, еще недавно едва проходимаго отъ множества скалъ, пролегаетъ теперь гладкое шоссе; на нѣкоторомъ протяженіи оно вѣтятся между грозными остатками утесовъ, поднимающимися въ видѣ высокой, почти отвѣсной стѣны съ разсѣлинами. Кажется, огромныя глыбы гранита ежеминутно готовы обрушиться на смѣлаго путника.

Уже съ 6-го часа утра зала водъ начинаетъ примѣтно оживляться. Посѣтители прибываютъ одинъ за другимъ, то пѣшкомъ, то водою, то въ коляскѣ почтенныхъ лѣтъ, то въ легкой одноколкѣ, самомъ употребительномъ въ Финляндіи экипажѣ, чрезвычайно удобномъ при ея гористомъ мѣстоположеніи. Скоро и зала и тропинки сада пестрятя движущимися группами. Большую часть ихъ составляютъ Финляндцы какъ изъ самаго Гельсингфорса, такъ изъ другихъ городовъ Великаго Княжества; но и чи-

сло прїѣзжихъ изъ собственно — Русскихъ губерній годъ отъ году увеличивается. Финляндцы оказываютъ намъ истинно-братское гостепрїимство, и въ ихъ прїятномъ кругу всѣ прїѣзжіе, на краткое время своего соединенія, сближаются между собой непринужденно.

По нѣкоторымъ днямъ играетъ на водахъ полковая музыка, и тогда общество рѣдко расходится, не протанцовавъ по крайней мѣрѣ одного Французскаго кадрили. По воскресеньямъ же, когда стеченіе людей бываетъ многочисленнѣе обыкновеннаго, чинное увеселеніе недѣли смѣняется часто исполненіемъ долга благочестія. Въ черной мантии входитъ въ залу кроткїй пастырѣ церкви; мгновенно все становится неподвижно, воцаряется глубокая тишина, и проповѣдникъ звучнымъ голосомъ читаетъ на Шведскомъ языкѣ нѣсколько молитвъ. Потомъ изъ трубъ воинскихъ раздается умильный псаломъ; а по окончаніи его набожные слушатели расходятся съ укрѣпленнымъ, веселымъ духомъ. Это краткое богослуженіе совершается собственно для тѣхъ, которые, будучи изнурены продолжительною ходьбой, не въ силахъ уже исполнить христіанской обязанности посѣщеніемъ храма Божія.

Въ часъ общество опять соединяется въ заведеніи и обѣдаетъ за общимъ, діететическимъ столомъ; а вечеромъ даются тамъ нерѣдко танцевальныя со-

бранія. Особенно оживлены бываютъ они тогда, когда пароходъ принесетъ изъ Ревеля толпу такъ называемыхъ lustfarare, т. е. пассажировъ, которыхъ цѣль повеселиться и дня черезъ два отбыть назадъ.

Между-тѣмъ, какъ зала водъ то наполняется, то опять пустуетъ, домъ съ ваннами, стоящій на самой оконечности мыса (независимо отъ купалень), не остается, въ теченіе цѣлаго дня, почти ни на минуту празднымъ. Если вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, домъ этотъ, по отличному устройству, по удобству и роскоши всѣхъ своихъ принадлежностей, превосходитъ большую часть подобныхъ учрежденій за границею. Онъ состоитъ изъ двухъ этажей: въ верхній вода восходитъ посредствомъ трубъ прямо изъ моря; потомъ, частію холодная, частію нагрѣтая, доставляется она другими трубами въ нижній этажъ, гдѣ по обѣ стороны длиннаго корридора тянутся ряды изящно-убранныхъ комнатъ съ ваннами. Здѣсь предусмотрѣны и надобности и прихоти посѣтителя, который пользуется всѣмъ за незначительную плату, измѣняющуюся впрочемъ по мѣрѣ его требованій. Надзоръ за комнатами и прислуга ввѣрены женщинамъ, одинаково одѣтымъ и обязаннымъ готовить ванны по желанію каждаго. Вошедши въ домъ, видите направо и налѣво двѣ щеголеватыя залы съ надписями на дверяхъ: fög fruntimmer (для дамъ) и fög hergar (для кавалеровъ). Здѣсь отдыхаютъ и пьютъ кофе.

Поодаль отъ этаго строенія, съ правой руки, стоятъ у самаго берега, на краю невысокой скалы, но довольно далеко другъ отъ друга, два домика, раздѣленные на нѣсколько комнатокъ. Ихъ посѣщаютъ желающіе купаться въ открытомъ морѣ. Вода здѣсь солона, хотя и не достигаетъ еще той солоноватости, какая бываетъ въ самомъ океанѣ. Жаль только, что дно морское передъ Гельсингфорсомъ покрыто камешками; въ Ревель этаго неудобства нѣтъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тамошнія купальни никакъ не могутъ выдержать сравненія съ Гельсингфорскими.

Наконецъ, противъ заведенія минеральныхъ водъ, черезъ дорогу, построень на скалѣ двухъ-этажный домъ; онъ отдается въ наймы пользующимся водами и долженъ послужить началомъ цѣлаго ряда подобныхъ ему домиковъ.

Между заведеніемъ и городомъ учреждены постоянныя сообщенія посредствомъ двухъ дилижансовъ, т. е. двухъ колясокъ, которыя въ продолженіе цѣлаго дня ѣздятъ взадъ и впередъ. Сверхъ того, на сенатской площади стоятъ всегда извозники съ неуклюжими, но очень покойными дрожками, съ некрасивыми, но быстрыми лошадьми. Они для Гельсингфорса тѣмъ нужнѣе, что улицы его, мощенныя какъ наши, вовсе не имѣютъ тротуаровъ.

Правду говорятъ, что младенчество — самый счастливый возрастъ: эта мысль однажды взбрела мнѣ на умъ, когда я сравнивалъ то, что видѣлъ на водахъ въ 1839-мъ году съ состояніемъ заведенія въ первый годъ его существованія. Тогда тамошній буфетъ находился въ рукахъ содержательницы одного изъ городскихъ трактировъ, знаменитой въ Гельсингфорсъ старушки, мамзель Вѣлюндъ. То-то было житье ея посѣтителемъ! Она кормила и поила ихъ, какъ родныхъ дѣтей своихъ, щедро, безъ всякихъ мелочныхъ расчетовъ, лишь бы всѣ были сыты и довольны. Въ день именинъ своихъ, лѣтомъ, она привыкла угощать всѣхъ, постоянно пользующихся ея трудами. Вотъ въ 1838-мъ году она убрала буфетъ свой на водахъ цвѣтами и зеленью, приготовила обильный запасъ самыхъ мудреныхъ издѣлій пекарнаго искусства и пригласила всѣхъ пьющихъ воды на утренній кофе. Послѣ обычной прогулки общество собралось въ буфетъ, гдѣ сама именинница принимала поздравленія. Гости пили и ѣли усердно, признательно, и старушка была въ восторгъ отъ ихъ аппетита и веселости. Но что подъ луною неизмѣнно? Въ 1839-мъ году мамзели Вѣлюндъ на водахъ уже не было! Ее замѣнилъ ученый въ кухонномъ дѣлѣ мужъ, благородной Германской крови, выписанный изъ-за моря. У него все благовидно, чинно, изящно; но какъ не пожалѣть о прежней простотѣ и о твоёмъ патріархальномъ гостепріимствѣ, добрая старушка?

Забавенъ былъ, въ тоже время, первый, едва учрежденный дилижансъ. Представьте себѣ коляску въ видѣ лодки, съ двумя Финскими Россинантами: впереди на высокомъ тронѣ возсѣдаетъ блѣдный, бѣлобрысый, улыбающійся возница въ черномъ фракѣ, въ безцвѣтномъ картузѣ и въ бѣломъ галстухѣ; въ нузѣ держитъ онъ бразды, а въ десной большую мѣдную трубу для возвѣщенія всѣмъ и каждому о своемъ прибытіи. Но видно, онъ не рожденъ музыкантомъ: труба, приложенная къ его губамъ, издаетъ какіе-то уморительно-заунывные, траги-комическіе звуки. Увы! и онъ исчезъ на слѣдующій годъ: теперь на козлахъ дилижансовъ сидятъ обыкновенные люди, и труба звучитъ какъ труба! Вотъ проза старѣющей жизни: поэзія—удѣлъ одного дѣтства.

Не могу оставить заведенія водъ, не вспомнивъ челоуѣка, которому удалось видѣть только начало учрежденія, столь много обязаннаго неусыпнымъ его попеченіямъ. Я разумью покойнаго Бонсдорфа, профессора химіи при Александровскомъ университетѣ, пламенно любившаго науку и трудами своими снискавшаго въ ученое мѣръ справедливую славу. Наблюдая за составленіемъ искусственныхъ водъ и будучи однимъ изъ ревностнѣйшихъ подвижниковъ новаго заведенія, онъ въ запрошломъ лѣтѣ находился тамъ почти непрерывно и обращалъ на себя общее вниманіе своею необыкновенною дѣятельностью, своими оригинальными пріемами и разговоромъ. Осенью

того же года прїѣзжалъ онъ еще въ Петербургъ хлопотать объ успѣхъ какаго-то новаго предпрїятія, но уже походилъ болѣе на тѣнь, нежели на человека, и вскорѣ по возвращеніи въ Гельсингфорсъ умеръ въ цвѣтущей порѣ. Многолѣтнія, слишкомъ напряженныя занятія и привычка отвѣдывать вещества, составлявшія предметъ его изслѣдованій, были, какъ полагаютъ, причиною столь ранней кончины. Какъ лучшую дань уваженія памяти Бонсдорфа, приведу небольшой отрывокъ изъ прекрасной надгробной рѣчи на Шведскомъ языкѣ, произнесенной въ честь его г-мъ Цигнеусомъ.

«Упрекъ, часто дѣлаемый ученымъ — что они, сидя въ душныхъ стѣнахъ кабинета, мало видятъ и еще менѣе хотятъ видѣть то, что происходитъ въ свободной и здоровой атмосферѣ жизни дѣйствительной — этотъ упрекъ по крайней-мѣрѣ вовсе не касается профессора Бонсдорфа. Что его усердіе къ наукѣ было живое, практическое, доказывается уже тѣмъ жаромъ, съ какимъ онъ обнималъ промышленную жизнь, въ последнее время пробудившуюся такъ неожиданно и такъ мощно въ нашемъ краѣ. Прологая новые пути, она совершила предпрїятія, которыя строгій разсудокъ, еще лѣтъ за двадцать тому назадъ, прямо отнесъ бы къ области химеръ. Изъ всѣхъ сихъ предпрїятій едва ли найдется одно, гдѣ бы онъ не участвовалъ всею, ему свойственною теплою душою. И всякій знаетъ, какъ мало онъ щадилъ

для нихъ трудовъ и издержекъ, какъ сильно радовался успѣхамъ сихъ начинаній. Онъ по справедливости видѣлъ въ нихъ не распространеніе пользы вещественной на счетъ духовной, но побѣду просвѣщенія надъ тяжкимъ сномъ невѣжества. Онъ видѣлъ въ нихъ открытіе обильныхъ источниковъ обогащенія Финляндіи — источниковъ, безъ которыхъ (что бы ни говорили противники этаго мнѣнія) древо образованности всегда останется жалкимъ растеніемъ. Сколько благородныхъ, способныхъ подняться высоко и покрыть отечество своею широкою тѣнью, безвременно склоняются долу подъ игомъ горькой нужды и тяготятъ землю, которой могли бы служить украшеніемъ! Не должно однако жъ думать, что профессоръ Бонсдорфъ, удѣляя дѣятельность и познанія свои отважнымъ соображеніямъ промышленности, былъ побуждаемъ къ тому жаждою низкой прибыли. Корысть была, болѣе всего, чужда ему; въ его рукахъ химія никогда не превращалась въ алхимию. Напротивъ, онъ жертвовалъ общему благу своимъ наследственнымъ, не маловажнымъ имѣніемъ такъ же ревностно, какъ другіе накаплиютъ новое. Когда дѣло шло о пользѣ науки, никакая цѣна не казалась ему высокою, и онъ становился мотомъ. Но есть другіе, болѣе предосудительные виды расточительности.

«Еще большихъ издержекъ стоили ему почти непрерывныя странствованія во всѣ тѣ края Европы, гдѣ можно было найти славное, священное для нау-

ки мѣсто. Сколько я знаю, ни одинъ ученый на цѣломъ Сѣверѣ не показалъ и въ этомъ отношеніи такой неутомимой дѣятельности. Только-что геніяльный Берцеліусъ, всегда признававшій чистосердечно заслуги его, успѣлъ посвятить Бонсдорфа въ глубокія тайнства науки — онъ уже предпринялъ долгое путешествіе по землямъ, гдѣ издавна сіялъ алтарь ея. Въ мѣстахъ, гдѣ сливаются всѣ лучи естествознанія, въ Парижѣ и въ Лондонѣ, тамъ жилъ онъ преимущественно, слушалъ уроки величайшихъ въ мірѣ умовъ, и уже самъ, при всей своей молодости, былъ учителемъ. Но эти разъѣзды, послѣ которыхъ для всякаго другаго потребовалось бы цѣлой жизни на отдохновеніе, были для него только приступомъ къ дальнѣйшимъ странствованіямъ. Внезапно пробуждается въ комъ-то высокая мысль: всѣхъ мужей, слѣдующихъ въ изученіи природы одному направленію, соединить болѣе тѣсными, болѣе живыми узами, нежели тѣ, какими связываютъ мертвыя буквы. Бонсдорфъ едва ли не болѣе всѣхъ воспламеняется сею мыслию. Онъ спѣшитъ, часто съ разстроеннымъ здоровьемъ, въ города, избранные, такъ сказать, для размѣна знаній. Онъ появляется въ Гамбургѣ, въ Вѣнѣ, въ Штутгартѣ, въ Прагѣ. Съ уваженіемъ и похвалами внимаютъ голосу его собранные тамъ верховные жрецы науки, «привыкшіе, по словамъ поэта, разлагать твореніе въ горниль». О такомъ единодушномъ уваженіи къ Бонсдорфу ясно свидѣтельствуетъ то, что первыя ученые общества

старались присоединить его къ числу своихъ членовъ. О томъ же свидѣтельствуется, между прочимъ, и высшая премія, недавно присужденная ему академією наукъ въ Стокгольмѣ.»

Ученые труды Бонсдорфа состоятъ изъ мелкихъ, но по большой части высоко цѣнныхъ сочиненій о разныхъ предметахъ химіи и минералогіи, на Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Шведскомъ языкахъ. Съ заслугами своего званія онъ соединялъ благородный, открытый, хотя и причудливый, характеръ. Онъ готовъ былъ раскрывать каждому всѣ свои планы и надежды, даже всѣ сокровища своихъ знаній, лишь бы видѣлъ участіе къ любимымъ своимъ занятіямъ. Живо помню его низенькую и сухошавую, ни на минуту не спокойную фигуру. Въ глазахъ его свѣтился неугасаемый огонь, черты лица играли безпрестанно и часто оживлялись еще болѣе улыбкою. Помню его шутки, странности и важность, съ какою онъ любилъ рассказывать, что берется во всякомъ обществѣ указать тѣхъ молодыхъ людей разнаго пола, между которыми, по извѣстнымъ только ему признакамъ, должно существовать взаимное сочувствіе или равнодушіе. Всѣ убѣждали его не таить отъ свѣта столь драгоценнаго открытія, и онъ съ тою же важностію продолжалъ, что, можетъ быть, со временемъ, напишетъ о томъ что-нибудь. Но Бонсдорфъ умеръ, и его тайна пропала для человѣчества!

Начало заведенія водъ составить безъ сомнѣнія эпоху въ исторіи Гельсингфорса, а слѣдовательно и цѣлой Финляндіи. Еще важнѣе, въ этомъ отношеніи, было учрежденіе, три года тому назадъ, пароходства между Петербургомъ, Ревелемъ, Гельсингфорсомъ, Або и Стокгольмомъ. До тѣхъ-поръ Финляндія, какъ страна, бѣдная собственными средствами, сильно ощущала недостатокъ сообщенія съ мѣстами, щедрѣе ея надѣленными и отъ природы и отъ судьбы. Появленіе на Балтійскомъ морѣ пароходовъ: *Storfursten* и *Furst Menschikoff* вдругъ доставило южному берегу Финляндіи легкое и быстрое сообщеніе съ важными торговыми пунктами. Благодѣтельные послѣдствія сей новости неисчислимы и съ каждымъ годомъ будутъ становиться примѣтнѣе. Прошедшею весною общество учрежденія Финляндскихъ пароходовъ увпѣло себя въ необходимости возвысить плату за мѣста. Опытъ показалъ, что назначенныя первоначально цѣны не обезпечивали успѣха предпріятія. Такая перемѣна произвела-было въ Финляндіи много разнообразныхъ сужденій; но наконецъ все убѣдилось, что мѣра эта была дѣйствительно пужна.

Прибытіе парохода³ составляетъ въ небольшомъ городѣ замѣчательное событіе. Такъ въ Гельсингфорсѣ все уже напередъ занимаютъ имъ, дѣлаютъ догадки о числѣ будущихъ гостей, и въ урочный часъ вся набережная пристани покрывается народомъ. Малѣйшее замедленіе ожидаемыхъ посѣтителей воз-

буждаетъ уже толки и опасенія за благоденствіе парохода, который однако жъ всегда, поздыій или ранѣе, является на обычное мѣсто и своимъ спокойнымъ величіемъ будто говорить: «какая буря сокрушитъ меня?»

Сверхъ Storfursten и Furst Menschikoff, Финляндія успѣла приобрѣсти для домашняго употребленія еще нѣсколько пароходовъ меньшаго размѣра. Два изъ нихъ стоятъ въ пристани Гельсингфорса. Старшій — миниатюрный пароходецъ *Лентея* (Läntäja по Фински значитъ *летунъ*), который Русскіе языки уже давно перекрестили, назвавъ очень справедливо *Льнтяемъ*. Это судно не иное что, какъ дубовый елботъ на колесахъ и съ машиною, содержащею въ себѣ силу двухъ лошадей; на скамьяхъ его можетъ помѣститься до 25-ти человекъ; въ томъ числѣ и два мальчика, изъ которыхъ одинъ правитъ рулемъ, а другой топчетъ печь обыкновенными дровами. Лентея или пожалуй Льнтяй (*usus tyranus!*) построенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Стокгольмѣ; это образчикъ искусства воспитанниковъ тамошняго Технологическаго института. Назначеніе пароходца — облегчать сообщеніе съ заведеніемъ водъ и съ близлежащими островами, вообще съ окрестностями, и онъ исполняетъ свое дѣло хоть тихо, но очень исправно, нѣ пока нѣтъ опаснѣйшаго врага его — противнаго вѣтра. Забавно смотрѣть на этаго *летуна*, когда онъ въ полномъ ходу: онъ повидимому непомѣрно напрягаетъ

свои силы, а подвигается — какъ утенокъ. Но и онъ въ случаѣ надобности умѣетъ быть грознымъ: на то у него двѣ пушки, какъ самъ онъ, исполинскія и всегда готовыя разразиться страшнымъ ревомъ. Слышно, что Лѣнтея, наскучивъ шутками, которыя со всѣхъ сторонъ сыплются на него, намѣренъ къ будущему лѣту совершенно преобразиться и принять видъ, болѣе способный внушать уваженіе.

Товарищъ его, пароходъ *Гельсингфорсъ*, силою равный 8-ми лошадямъ, замѣчателенъ какъ первое въ этомъ родѣ произведеніе Финляндскаго желѣзнаго завода *Фискарсъ* (*Fischars*), находящагося между Гельсингфорсомъ и Або. Этому пароходу назначено содержать сообщеніе между приморскими городами Финляндіи, отъ ея столицы до Выборга; но къ сожалѣнію, онъ, какъ всякій первый опытъ, до сихъ-поръ не вполне достигалъ цѣли, подвергая иногда пассажировъ своихъ приключеніямъ, не совсѣмъ приятнымъ. Поэтому и предположено замѣнить его новымъ, въ Стокгольмѣ заказаннымъ пароходомъ.

Въ Або есть также небольшой пароходъ, называемый (по имени тамошней рѣки) *Аура* и служащій собственно для прогулокъ. Наконецъ и городъ *Улеборгъ* имѣетъ пароходъ своего же имени (силою въ 30 лошадей), плавающій между Або и Торнео. Такимъ образомъ, теперь можно обойти весь берегъ Финляндіи, отъ Выборга до Торнео, на пароходѣ, и любо-

знательнымъ доставлено удобное средство посмотрѣть на беззакатное или полуночное солнце (midnattssolen). Жаль только, что Лапландское свѣтило не всегда платитъ своимъ гостямъ тѣмъ же вниманіемъ, какое они ему оказываютъ, и иногда вовсе не удостоиваетъ ихъ хотя минутнымъ появленіемъ изъ-за своей непраздничной завѣсы.

Финны издавна сльвуть искусными и отважными мореходцами; до завоеванія ихъ Шведами, они на легкихъ судахъ своихъ часто сражались въ Финскомъ заливѣ съ Скандинавскими грабителями и даже неоднократно распространяли ужасъ на берегахъ самой Швеціи; по всей вѣроятности, Карелы, т. е. восточные Финны, участвовали въ знаменитомъ разореніи Сигтуны. И въ наше время Финскіе моряки отличаются знаніемъ своего дѣла и рѣдкимъ присутвіемъ духа. Отвага ихъ выходитъ иногда изъ границъ благоразумія. Мнѣ случилось однажды плыть по шерамъ на Чухонскомъ кораблѣ, возвращавшемся въ Петербургъ безъ клади и даже безъ балласта. Последняго обстоятельства пассажиры, разумѣется, не знали, пока ночная буря не понесла ихъ назадъ, ежеминутно грозя разбить утлое судно о какойнибудь подводный камень. Пріятность нашего положенія еще увеличивалась отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ. Каюта, гдѣ нельзя было почти «ни стать, ни сѣсть», ни даже укрыться отъ дождя; вмѣсто постелей нѣсколько темныхъ, смрадныхъ клѣ-

токъ, устланныхъ грязными доспѣхами матросовъ; ни пищи, ни питья, кромѣ сыру да воды, ни общества, кромѣ двухъ гадкихъ кухарокъ, да къ счастью, добраго товарища; наконецъ произволь угрюмаго шкипера, который въ бурю самъ не зналъ что дѣлать и только съ судорожнымъ безпокойствомъ жеваль свой табакъ, а въ тишь останавливался у всякаго острова для посѣщенія своихъ пріятелей рыбаковъ: вотъ наслажденія, испытанныя нами на Чухонскомъ корабль! За то и благословили мы судьбу, когда на одномъ пустынномъ островѣ нашелся сострадательный рыбакъ, который взялся, на своемъ ненадежномъ челнѣ, въ бурю, доставить насъ на ближній берегъ, бывшій только верстахъ въ трехъ оттуда. Высоко прыдалъ челнокъ, дождь и брызги волнъ ни на мигъ не давали покоя бѣднымъ мореплавателямъ; но при всемъ томъ они радовались болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ ненавистный корабль терялся въ отдаленіи...

Умноженіе пароходовъ на Финскихъ берегахъ свидѣтельствуетъ о промышленномъ духѣ Финляндіи и ручается за быстрое въ ней возрастаніе народнаго богатства. Но фабричная промышленность еще не успѣла значительно подняться тамъ надъ тою низкою степенью, на которую ее поставили, въ теченіе вѣковъ, разныя неблагопріятныя обстоятельства. Недостатокъ капиталовъ и низкая пошлина, положенная на ввозимые изъ-за границы товары: вотъ главныя изъ причинъ, препятствовавшихъ въ новѣйшее время процвѣ-

танію мануфактуръ въ Финляндіи *. Мудрое правительство не перестаетъ заботиться объ улучшеніи, и по этой части, ея состоянія.

Съ наступленіемъ лѣта многіе жители Гельсингфорса переселяются на мызы, болѣе или менѣе отдаленныя, и тамъ предаются то тихимъ сельскимъ забавамъ, то пріятнымъ заботамъ объ улучшеніи своего хозяйства. Такія мызы составляютъ, болѣею частію, ихъ собственность, и по уединенному, часто живописному положенію даютъ возможность дѣйствительно отдыхать отъ городскихъ тревогъ и вполне наслаждаться природою. Въ то же время часть войска уходитъ въ лагерь, и въ Гельсингфорсѣ открывалась бы ошутительная пустота, если бъ цѣлебныя воды и различныя удобства не привлекали сюда, въ лѣтнюю пору, множества иногородныхъ жителей. Вмѣстѣ съ ними, какъ ласточки съ весною, являются въ Финляндской столицѣ разнаго рода артисты: мелкія знаменитости Петербургскихъ и Стокгольмскихъ театровъ, провинціальныя актеры и акробаты, доморощенные гени и т. п., и все это пользуется здѣсь пріемомъ, болѣе или менѣе благосклоннымъ. Имена нѣкогда гремѣвшія, но уже забытыя, на берегахъ Невы, здѣсь обращаютъ въ свою пользу непреложный законъ природы, что эхо еще раздастся, когда самый звукъ, его родившій, уже замеръ. Надобно сознаться, что

* См. отчетъ министра статсъ-секретаря В. К. за 1836 г.

эстетическое чувство еще мало находитъ пищи въ Финляндіи. Тамъ факель искусствъ и художествъ всегда горѣлъ тускло. И станемъ ли мы удивляться тому, когда раскроемъ кровавыя скрежали страны, которую въ продолженіе вѣковъ (пока Провидѣніе не ввѣрило ея Россіи), непрерывно оспаривали другъ у друга всевозможныя бѣдствія: и война и корысть намѣстниковъ, и голодъ и язва? Немногія картины и изваянія, гдѣ-гдѣ мелькающія въ тамошнихъ городахъ, какъ бы заблудясь попали туда. Сколько знаю, въ Финляндіи родились только два артиста, достойные упоминанія: живописецъ Лауреусъ (Laugaeus, ум. въ 1823 г.) и композиторъ Крусель (Crusell, ум. въ 1838 г.); но и тѣ, при первомъ сознаніи таланта, покинули скудную родину и продолжали свое развитіе въ Швеціи и въ другихъ земляхъ. Не болѣе четырехъ или пяти картинъ Лауреуса можно встрѣтить въ самомъ его отечествѣ. Только божественная поэзія, по особенной щедрости природы, издревле была наслѣднымъ сокровищемъ Финляндіи. Независимо отъ множества народныхъ, безыменныхъ пѣвцовъ, составляющихъ достояніе собственно-Финскаго слова, она произвела нѣсколько поэтовъ, украсившихъ своими именами литературу Шведскую. Таковы были въ прошедшемъ вѣкѣ графъ Крейцъ и Кореусъ; таковы еще теперь Францѣнъ и Рунебергъ.

Есть въ Гельсингфорсѣ театръ; но онъ ни самъ собою, ни сценой вовсе не удовлетворяетъ любителей

изящнаго. Деревянные стѣны его носятъ уже слишкомъ явные слѣды времени, а нагота внутренности какъ-то не располагаетъ къ веселью. За то зрѣлища, даже и плачевныя, по большой части входятъ въ область комическаго, и еще тѣмъ драгоценны, что нерѣдко соединяютъ въ себѣ вдругъ все роды искусствъ: за два рубля наслаждаетесь вы и драматическимъ представленіемъ и балетомъ, и вокальнымъ и инструментальнымъ концертомъ. Впрочемъ, концерты даются и особо то въ полукруглой университетской залѣ, то въ такъ называемомъ Societätshus — гостинницѣ для прїѣзжихъ, съ заломъ для публичныхъ собраній *. Обѣ залы превосходны, но усладительные звуки въ нихъ—увы!—такъ же рѣдки, какъ соловьи въ сѣверныхъ лѣсахъ.

Въ Финляндіи денегъ мало, богачей въ полномъ смыслѣ нѣтъ; но роскошь постепенно пролагаетъ себѣ путь и туда. Это наиболее замѣтно въ Гельсингфорсѣ, гдѣ цѣны на все предметы высоки въ сравненіи съ цѣнами въ другихъ мѣстахъ Великаго Княжества. Отъ того житель провинціального городка Финляндіи, побывавъ нѣсколько времени въ ея столицѣ, горько негодуетъ и жалуется на тамошнюю разорительную дороговизну! Въ Гельсингфорскихъ до-

* Это лучший изъ Гельсингфорскихъ трактировъ: онъ отличается отъ другихъ еще и тѣмъ, что здѣсь посѣтители обѣдаютъ за table d'hôte, а прислуживаютъ въ немъ мушеры.

махъ роскошь является всего блистательнѣе зимою, когда высшее общество не разсѣяно по дачамъ и когда, какъ увѣряютъ жители, почти ежедневные балы и вечеринки мало уступаютъ нашимъ, особенно по части нарядовъ. Но гораздо чувствительнѣе для Гельсингфорса роскошь, такъ сказать, ввозная, та роскошь, которая каждое лѣто въ нѣсколько пріемовъ врывается сюда обильнымъ потокомъ на пароходахъ, въ кошелькахъ и бумажникахъ Невскихъ. Тогда сидѣльцамъ Гельсингфорскимъ не до отдыха, и локоть (alp, замѣняющій нашъ аршинъ) рѣдко выходитъ изъ рукъ ихъ. Въ городѣ пять или шесть галантерейныхъ магазиновъ пользуются особенною славой; что они не поражаютъ блескомъ убранства, въ томъ бѣды нѣтъ; но жаль, что хозяева ихъ, для собственныхъ своихъ выгодъ, не позаботятся болѣе объ обилии и разнообразіи товаровъ. Отличительнаго въ этихъ магазинахъ только нѣкоторая дешевизна, смѣшеніе всякой всячины, примѣрная честность продавцевъ, наконецъ отсутствіе, по большей части, вывѣсокъ. Есть и много Русскихъ лавокъ, но онѣ почти исключительно удовлетворяютъ потребностямъ низшихъ сословіи. Модныхъ магазиновъ очень мало, да и тѣ таковы, что заставляютъ дамъ лучшаго круга выписывать свои уборы изъ Петербурга.

Деньги Финляндскія могутъ озадачить незнакомаго съ ними. Изъ общихъ Русскихъ денегъ тамъ наиболѣе ходятъ ассигнаціи и мѣдная монета; серебра

же почти вовсе невидно. Изрѣдка встрѣчаются старья Шведскія бумажки и мѣдные шиллинги (skilling — $2\frac{1}{2}$ к. асс.); но всего обыкновеннѣе выпускаемыя особо для Финляндіи маленькія ассигнаціи отъ 20 коп. до 2 руб., не совсѣмъ удобныя, когда надобно имѣть съ собою большой запасъ ихъ, напримѣръ въ дорогѣ. Въ отношеніи къ достатку замѣтно между городскими жителями Финляндіи болѣе равенства и отъ того менѣе рѣзкихъ границъ между состояніями, нежели во всякой другой странѣ. Разумѣется, впрочемъ, что Гельсингфорсъ, гдѣ все носитъ нѣкоторую тѣнь столичной жизни, въ меньшей степени подходитъ подъ это замѣчаніе.

Какъ вообще жители городовъ Финляндскихъ, такъ и жители Гельсингфорса, которыхъ считается болѣе 14/т. (въ томъ числѣ до 260 православныхъ), состоятъ преимущественно изъ природныхъ Финляндцевъ; но языкъ, между ними господствующій, языкъ мѣстнаго правительства, школъ и литературы есть Шведскій. Только въ Выборгской губерніи наиболѣе употребителенъ Нѣмецкій, который введенъ тамъ и во всѣхъ училищахъ.

Финны, при покореніи ихъ въ XII столѣтіи Шведами, стояли на гораздо низшей степени образованности, нежели побѣдители, и потому все, что входитъ въ составъ гражданскаго быта, вскорѣ приняло въ Финляндіи формы Шведскія, тѣмъ болѣе, что за-

воеватели утвердили здѣсь, хотя огнемъ и мечемъ, Евангеліе. Чтобы упрочить въ новой провинціи свое владычество, Шведскіе государи начали заселять берега Финскаго и Ботническаго заливовъ своими коренными подданными, и вотъ что еще болѣе способствовало распространенію между Финнами языка и обычаевъ Шведскихъ. Богатый во многихъ отношеніяхъ, Финскій языкъ сохранилъ всю свою чистоту только въ устахъ крестьянъ, живущихъ на довольно значительномъ разстояніи отъ селеній чужеземныхъ; Финны же, близъ береговъ обитающіе, перенимая языкъ пришельцевъ, съ тѣмъ вмѣстѣ искажали свой собственный. Становясь въ тоже время болѣе и болѣе чуждымъ для высшихъ сословій народа и даже презрительнымъ въ глазахъ ихъ, онъ наконецъ совершенно вышелъ изъ употребленія въ городахъ, гдѣ и знаютъ его очень немногіе. Изъ дворянъ на немъ могутъ объясняться тѣ только, которые, владѣя мыслями во внутренности края, или по другимъ обстоятельствамъ, съ-дѣтства имѣли случай говорить по-Фински *.

* Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать мимоходомъ нѣсколько замѣчаній о Финскомъ языкѣ. У насъ имѣютъ о немъ столь невѣрное понятіе, что многіе считаютъ его въ родствѣ со Шведскимъ, тогда-какъ между двумя этими языками нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Финскій, вышедшій очевидно изъ Азіи, отличается такимъ богатствомъ формъ и такимъ органическимъ развитіемъ, что изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ съ нимъ можетъ быть сравниваемъ развѣ одинъ только древне-Греческій. Финскія слова, рѣдко односложныя, по большей части очень длинны и заключаютъ въ себѣ много гласныхъ буквъ, между которыхъ согласныя не любятъ стоять одна возлѣ другой; а въ началѣ словъ онѣ никогда не соединяются вмѣстѣ. За то гласныя сли-

Даже фамильныя имена Финляндцевъ заимствованы по большой части изъ Швеціи. Въ разное время прибывали въ Финскіе города на житье Шведы, Нѣмцы и Датчане; но число сихъ переселенцевъ (за исключеніемъ приходившихъ въ Выборгскую губернію) никогда не было велико, и потомки ихъ совершенно слились, въ теченіе вѣковъ, съ природными жителями. Теперь все Шведское населеніе въ Финляндіи почти ограничивается колонистами, занимающими по берегу цѣлыя села, да въ городахъ тѣми изъ жителей, которые происходятъ отъ этихъ колонистовъ.

Русскихъ, если не считать военныхъ, не можетъ быть много въ Финляндіи: большая часть ея еще такъ недавно вошла въ составъ Имперіи. Только ваются всячески одна съ другою, и языкъ представляетъ до 23 двугласныхъ (diphthongi). Отъ этихъ свойствъ онъ очень благозвученъ, тѣмъ болѣе, что всѣ гласныя, въ одномъ и томъ же словѣ находящіяся, обыкновенно однородны: *ä*, напр., во многихъ случаяхъ исключаетъ *ö*, *o* не терпитъ *ö*. Всѣ части рѣчи необычайно обильны видоизмѣненіями. Имена существительныя имѣютъ до 16-и падежей, и при склоненіи ихъ употребляются не предлоги, которыхъ въ языкѣ нѣтъ, а частицы, поставляемыя въ концѣ словъ. Какъ существительныя, такъ и прилагательныя, принимаютъ уменьшительную и увеличительную степени, и въ этомъ отношеніи изумляютъ также безчисленнымъ множествомъ видоизмѣненій. Въ глаголахъ Финскихъ количество видовъ такъ велико, что до сихъ поръ всѣхъ ихъ еще не успѣли опредѣлить, къ чему присоединяется столь же необыкновенное обиліе въ наклоненіяхъ. Гибкость языка въ сочетаніи словъ простирается до того, что по-Фински можно выразить, хотя и весьма длиннымъ словомъ, мысль, которая на всякомъ другомъ языкѣ потребовала бы цѣлаго предложенія. Вотъ еще двѣ странныя особенности Финскаго:

купцовъ нашихъ уже довольно разсѣяно въ тамошнихъ городахъ, особенно въ Гельсингфорсѣ. Всего болѣе Русскихъ въ Выборгской губерніи, гдѣ они составляютъ половину всѣхъ городскихъ жителей, которыхъ болѣе 12000 *. Это объясняется довольно отдаленнымъ уже временемъ присоединенія къ Россіи юго-восточнаго края Финляндіи.

Заглянемъ тецерь, сколько то возможно безъ нескромнаго любопытства, во внутренность жилищъ и въ подробности домашняго быта Финляндцевъ. Въ сѣняхъ на двери, служащей главнымъ входомъ, виситъ у многихъ небольшой жестяной ящикъ съ отверстіемъ вверху и съ надписью: *Låda för visit-kort* (ящикъ для визитныхъ картъ). Туда посѣтитель, если дверь въ немъ нѣтъ родовъ; а въ различныхъ сочетаніяхъ понятій и звуковъ все главное ставится напередъ. Отъ того удареніе словъ бываетъ всегда на первомъ слогѣ; отъ того, когда глаголь употребляется отрицательно, частица отрицанія полагается назади, и ужь не глаголь, а она спрягается; такъ точно притяжательное мѣстоименіе всегда присоединяется къ концу имени и при склоненіи принимаетъ окончанія его падежей; также точно въ стихахъ рифма, какъ важная ихъ принадлежность, не оканчивается, а начинается слова, т. е. превращается въ *аллитерацію* и въ *ассонансъ*. Если мы прибавимъ ко всему этому многія внутреннія преимущества Финскаго языка, то по справедливости отнесемъ его къ разряду самыхъ счастливыхъ языковъ древняго и новѣйшаго времени.

* См. *Statistische Darstellung des Gross-Fürstenthums Finnland von D-r Rein. Helsingfors. 1839.* Двѣ главы изъ этой небольшой книжки напечатаны на Русскомъ языкѣ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1839 года за Октябрь, подъ заглавіемъ: *Жители и просвѣщеніе въ В. К. Финляндіи.*

замкнута, опускаетъ свою карточку, никого не безпокою напрасно. Обычай, который, право, заслуживаетъ подражанія и часто можетъ быть очень благодѣтельнымъ и для хозяина и для гостя, избавляя обоихъ отъ *желаннаго* лицемерія. Но въ Финляндіи, гдѣ нравы еще не достигли современной утонченности, обычай этотъ конечно установленъ не съ такой чело-вѣколюбивой цѣлью, а происходитъ только отъ скудости въ прислугѣ. Число челяди рѣдко выходитъ здѣсь за предѣлы строгой необходимости и во мно-гихъ домахъ ограничивается одною или двумя слу-жанками. Лакей есть ужъ признакъ нѣкоторой роскоши, да и ему часто не стаетъ двухъ рукъ, особенно когда онъ служитъ домашнимъ *factotum* и иногда, для разнообразія, долженъ промѣнивать прихожую на конюшню и на козлы. И какъ онъ, при всемъ томъ, умеренъ въ своихъ требованіяхъ! Здѣсь слуги усло-вливаются въ платъ на цѣлый годъ. Прихожая (*tambour*) въ домахъ незажиточныхъ есть рѣдкость, и холод-ныя сѣни составляютъ по большой части единствен-ный переходъ со двора въ покои. Прибавьте къ то-му, что у печекъ нѣтъ вьюшекъ: труба закрывается посредствомъ небольшой желѣзной доски, до которой нельзя достать рукой и которую двигаютъ взадъ и впередъ висящими снурками. Такимъ образомъ наши сѣверо-западные братья хуже, нежели мы, защищаютъ себя противъ общей нашей гостыи, зимы. Но какъ буд-то въ вознагражденіе этой безпечности, они въ сво-ихъ столовыхъ снабжаютъ печки небольшимъ шка-

никомъ или нишей съ дверцами и полками, на которыхъ держатъ зимою тарелки и блюда. У людей изъ низшихъ и среднихъ сословій непрѣмнною принадлежностью опрятныхъ комнатъ является ельникъ (*granis*), то разсыпанный на полу, то собранный въ песочницѣ. Между мебелью, замѣчательнъ для насъ, какъ вещь въ нашемъ быту необыкновенная, такъ называемый *качалый стулъ* (*gungstol*), кресло, утвержденное на двухъ округленныхъ снизу подставкахъ. Въ Гельсингфорсѣ оно не такъ употребительно, какъ въ другихъ, меньшихъ городахъ, гдѣ флегматическій домосѣдъ любитъ предаваться нѣгѣ усыпительнаго движенія. Лѣтомъ встрѣтите вы почти въ каждомъ домѣ еще предметъ, мало известный у насъ: небольшую палку съ дымковымъ мѣшкомъ или кожанымъ кругомъ на одномъ концѣ ея; это оружіе для истребленія мухъ, доставляющее иногда пріятное и полезное препровожденіе времени!

Бытъ Финляндцевъ, отзывающійся вообще лѣнью житья провинціальнаго, представляетъ нѣкоторыя любопытныя для насъ черты. Разумѣется, что здѣсь не все можно распространить и на высшій кругъ, гдѣ много мѣстныхъ привычекъ изгнано и приняты отчасти формы общей Европейской жизни. День начинаютъ питьемъ кофе, который обыкновенно разносится при самомъ пробужденіи; а вскорѣ послѣ того семья собирается къ завтраку. Обѣдаютъ въ двѣнадцать часовъ, въ часъ, а нѣкоторые изъ людей знат-

ныхъ и въ три. Народная кухня есть Шведская, которой господствующій характеръ сладость. Такъ избалованы въ своемъ вкусъ Шведы, потомки суровыхъ Скандинавовъ! или страсть къ сахару во внукахъ должно объяснять слабостью дѣдовъ къ меду, ихъ главному напитку? Предоставляемъ ученымъ посвятить себя изслѣдованію столь глубокомысленнаго вопроса. Мы же будемъ довольствоваться одними фактами: между сосѣдями нашими многіе не могутъ обойтись безъ сахара даже въ буліонъ и мясъ; въ трактирахъ маленькія вазы съ сахаромъ украшаютъ всякій обеденный столъ, котораго важную принадлежность составляетъ сверхъ того рыба, тогда-какъ хорошая говядина рѣдкость. Наиболее употребляемый хлѣбъ крѣпокъ, какъ дерево. Простой народъ печетъ его изъ ржаной муки въ видѣ большихъ круглыхъ лепешекъ, въ срединѣ которыхъ вырѣзывается кружокъ*. Приготовивъ вдругъ большой запасъ такого хлѣба — это бываетъ обыкновенно два раза въ годъ — его нанизываютъ на длинные шесты, протянутые въ избѣ или въ кухнѣ высоко надъ головою. Тамъ онъ сохнетъ и снимается съ шестовъ по мѣрѣ надобности. Увѣряютъ, что этому хлѣбу простолюдины Финляндскіе обязаны красотою своихъ зубовъ. Другой родъ крѣпкаго хлѣба, который встрѣчается и на всѣхъ городскихъ столахъ, есть такъ называемый knäckebröd, полубѣлый, прѣсный и какъ дощечка тонкій; его пекутъ въ видѣ

* Отъ того этотъ хлѣбъ и называется по Шведски: hällkaka (häll дыра, кака пирогъ).

большихъ круговъ, послѣ разламываемыхъ на неправильные куски. Многіе вовсе не ѣдятъ другаго хлѣба; однако жъ рядомъ съ нимъ является почти вездѣ и мягкій. Любимую пищу составляютъ также разнаго рода сухари, вовсе непохожіе на наши. Между произведеніями булочнаго мастерства одно имѣетъ здѣсь иногда совершенно особенное назначеніе. Если вамъ случится встрѣтить на улицѣ прохожаго съ порядочнымъ крепделемъ въ рукѣ, не удивляйтесь тому: значитъ, что онъ идетъ съ похоронъ — обряда, во время котораго гостямъ обыкновенно подаютъ при чаѣ подобный хлѣбъ, и гости уносятъ его съ собой.

Тотчасъ послѣ стола соблюдается иногда въ шутку старинный и странный обычай: одинъ изъ сотрапезниковъ подбѣгаетъ изподтишка къ другому (хоть и къ дамѣ) и слегка ударяетъ его по плечу, приговаривая: *matklapp* (*mat* пища, *klapp* ударъ)! Потомъ пьютъ во второй разъ кофе — зелье, вообще страстно любимое Финляндцами. Въ одномъ городкѣ жилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ старичекъ, который съ утра до вечера пилъ кофе и осушалъ до 50-ти чашекъ въ день. За то чай, котораго утромъ почти никто не пьетъ, не составляетъ и вечеромъ общей потребности или прихоти: у нѣкоторыхъ является онъ только при гостяхъ. Вскорѣ послѣ него, мужчинъ подчиваютъ напиткомъ, известнымъ подъ именемъ *тодди*: подносятъ стаканы, въ которыхъ налитую уже малую долю сахарной во-

ды каждый *разводитъ* коньякомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ изъ стоящей рядомъ бутылки. Наконецъ день и труды его вѣнчаются ужиномъ; тутъ очень употребительно вареное молоко, подаваемое въ стаканахъ и иногда смѣшанное съ пивомъ (*ölost*). Между этими главными приемами пищи случаются — что впрочемъ теперь почти вездѣ ужъ вывелось — еще чрезвычайныя закуски (*mellanmål, klockan sex*). Водка или такъ называемое *sur* (шнапсъ) есть необходимое вступленіе къ каждому завтраку, обѣду и ужину; ее ставятъ или на особый *водочный* столикъ (*brännvinsbord*), или, проще, на тотъ же столъ, за которымъ кушаютъ, и откуда ее уносятъ, когда она болѣе не пужна. Вино, въ свою очередь, льется обильно, при чемъ, для взаимнаго поощренія, каждый, поднося рюмку къ губамъ, подаетъ кому-нибудь изъ застольниковъ знакъ, что пьетъ его здоровье, или даже приговариваетъ: *skål* (зн. собственно *чаша, тостъ*). Приветствуемый непременно долженъ отвѣчать дѣломъ и никакъ не отставать отъ вызывающаго, даже въ количествѣ приема. Еще болѣе употребляется пиво, то крѣпкое (*öl*), то слабое (*svagdricka*). Въ приготовленіи его Финляндцы издавна отличаются такимъ искусствомъ, что Шведскій король Іоаннъ III, большой охотникъ до этаго напитка, всегда выписывалъ его изъ Або. Для прохлажденія пьютъ во всякое время воду съ молокомъ, или *kallskål*, смѣсь сахарной воды съ виномъ и съ лимономъ.

Отъ этихъ внѣшнихъ подробностей надлежало бы перейти ко внутренней сторонѣ нравовъ Финляндскихъ; но съ нею не такъ легко ознакомиться въ короткое время, и мы, не смѣя произносить рѣшительнаго суда о характерѣ городскихъ жителей, скажемъ только, что до сихъ поръ бѣдность служила имъ, можетъ быть, благотворнымъ покровомъ отъ множества золъ и пороковъ. Какъ въ жизни частныхъ людей, такъ и въ жизни обществъ изобиліе и блестящая судьба не всегда бываютъ лучшимъ средствомъ къ охраненію семейныхъ добродѣтелей и чистоты нравственности. Тò несомнѣнно, что заботливое, глубоко-религіозное воспитаніе, соединенное съ основательнымъ ученіемъ, готовитъ намъ въ Финляндцахъ согражданъ отличныхъ и полезныхъ для Россіи. Врожденная въ нихъ флегма и степенность духа, несомвѣстная съ суетностью, дѣлаютъ ихъ чрезвычайно способными къ занятіямъ, требующимъ не столько живости и быстроты ума, сколько постоянства, терпѣнія и проницательности. Они дѣйствуютъ медленно, но тѣмъ добросовѣстнѣе и надежнѣе. Характеръ общества въ городахъ малолюдныхъ представляетъ вездѣ болѣе или менѣе сходныя между собою черты, какъ съ хорошей, такъ и съ дурной стороны. Жители Гельсингфорса жалуются между-прочимъ на отсутствіе непринужденности въ ихъ кругахъ: дѣйствительно, самый языкъ Шведскій нѣкоторыми изъ своихъ особенностей обличаетъ въ народномъ характерѣ склонность къ стѣснительнымъ обрядамъ; изъ Швеціи она

должна была перейти и въ Финляндію, гдѣ при извѣстныхъ условіяхъ не могла исчезнуть совершенно.

Въ Шведскомъ языкѣ нѣтъ мѣстоименія, которое бы вполне соответствовало нашему *вы*, обращаешься ли къ одной или къ нѣсколькимъ особамъ. Того, съ кѣмъ разговариваешь (если взаимныя отношенія не позволяютъ употреблять *ты*), должно называть по чинѣ или званію его въ 3-мъ лицѣ, какъ будто бѣ дѣло шло объ отсутствующемъ. На примѣръ, вмѣсто: гдѣ вы были? надобно говорить: гдѣ былъ г. поручикъ, г. статскій совѣтникъ, г. купецъ? А при обращеніи ко многимъ принято означать ихъ собирательнымъ именемъ: *herrskalet* (какъ бы собраніе господъ, die Herrschaft). Правда, есть слово, выражающее *вы*, именно *Ni*, но оно слышится только въ разговорѣ съ человѣкомъ низкаго званія или между людьми разнаго пола. Будучи же сказано чужому или и знакомому, но не близкому вамъ лицу, это словечко можетъ сдѣлаться очень оскорбительнымъ и подвергнуть васъ непріятности. Такимъ образомъ, прежде вступленія въ разговоръ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, надобно непременно узнать, по Шведскому выраженію, его титулъ (*titel*) или званіе (*karaktér*). Если же крайность принудитъ завести съ кѣмъ-нибудь рѣчь, не развѣдавъ того, въ такомъ случаѣ позволительно сказать *min herre* (государь мой); но это ужъ не совсѣмъ въ порядкѣ. Шведская страсть къ титулованію доходитъ до того,

что даже пожилыхъ или замужнихъ служанокъ отличаютъ названіемъ *Madam*.

Въ Швеціи такая слабость господствуетъ еще въ высшей степени: говорятъ, что въ Стокгольмѣ многіе благоразумные люди старались не разъ доставить мѣстоименію *Ni* истинныя его правá, но всѣ попытки остались тщетными. Явленіе тѣмъ болѣе странное, что Датчане и Норвежцы, подобно Нѣмцамъ, имѣютъ слово для выраженія 2-го лица множ. числа, т. е. мѣстоименіе *они* (*de, sie*).

Но это самое неудобство въ разговорѣ дало происхожденіе прекрасному обычаю. Желая избѣгнуть напраснаго стѣсненія, люди, которые видятся часто, переходятъ очень легко на *ты*: тому должно предшествовать вступленіе въ *братство* за бутылкою добраго вина, что и называется *пить тостъ братства* (*dricka brogskál*). Два пріятели, свивъ правыя руки, вооруженныя двумя полными рюмками, пьютъ вино и обѣщаютъ быть братьями, пока они останутся честными людьми (*så länge vi äro hederliga karlar*). Съ той минуты исчезаютъ во взаимномъ ихъ обращеніи всѣ принужденныя формы, они называютъ другъ друга братьями, и скучное титулованіе смѣняется чистосердечнымъ *ты*.

Въ общественномъ быту Финляндцы могутъ похвалиться особеннымъ гостепрїимствомъ: званые

пиры между ними если не часты, за то несомнѣнно показываютъ желаніе хозяевъ не шадить ничего для угожденія гостямъ. Между такъ называемыми kalas, т. е. пирушками, едва ли не всего обыкновеннѣе и вмѣстѣ оригинальнѣе *кофейныя* собранія (kaffe). Черезъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда приглашенные сходятся на кофе, который и пьютъ въ большомъ изобиліи. Здѣсь самую значительную часть общества составляютъ дамы; кавалеровъ же зовутъ въ маломъ числѣ, какъ бы только для увеселенія дамъ, почему провинціальное остроуміе и отмѣтило мужчинъ, присутствующихъ на *кофейныхъ* пирушкахъ, названіемъ *рыбьяго клея* (kaffe-skinp), который, какъ извѣстно, служитъ къ очищенію Аравійскаго напитка.

Послѣ всякой пирушки, гость, при первой встрѣчѣ съ хозяиномъ, привѣтствуетъ его словами: Task för sist (спасибо за напередешнее)! На Шведскомъ языкѣ, какъ и на многихъ другихъ, есть также слово, которымъ хозяинъ выражаетъ свое радушіе при входѣ къ нему гостя, именно: *välkommen* (bien venu, willkommen). Прекрасное прилагательное, къ сожалѣнію не существующее у насъ.

Изъ праздниковъ святки издавна составляютъ въ Финляндіи, какъ въ Скандинавіи, время, преимущественно посвященное семейнымъ увеселеніямъ. Еще у языческихъ Норманновъ совершались, около этой поры, именно въ періодъ *зимняго солнцестоянія*,

пиры, продолжавшіеся нѣсколько дней сряду. Они назывались *jul* (можетъ быть, отъ *hjul*, колесо, съ движеніемъ котораго сравниваютъ вращеніе года). Со введеніемъ Христіанства въ Скандинавіи, и важность и названіе этихъ пиршествъ перешли на Рождество. И въ Финляндіи въ это время родные и друзья прилежно посѣщаютъ другъ друга; а наканунѣ перваго праздника, вечеромъ (*julqväll*), почти во всякомъ семейномъ домѣ собираются пріятели, и дарятъ одинъ другаго. Освѣщенная и разукрашенная ёлка готовится только для дѣтей; взрослые же иначе мѣняются подарками (*julklapp*). Обыкновенно доставляются такія вещи въ запечатанныхъ пакетахъ съ надписью, кому онѣ назначаются, съ девизами или стихами. Часто даритель бросаетъ ихъ въ дверь и самъ исчезаетъ, или онѣ является въ комнату съ пустыми руками, оставивъ слугѣ принесенный пакетъ съ порученіемъ вбросить его послѣ. Влетающій даръ подымается къ-нибудь изъ общества, который и передаетъ его по надписи. Не смотря на такую таинственность, приноситель рѣдко остается неизвѣстнымъ. Къ дѣтямъ подсылается иногда съ подарками человекъ, одѣтый въ мѣхъ или въ другой какой-нибудь странный нарядъ, и этаго оборотня маленькое племя называетъ *julbosk*. Изъ общественныхъ игръ мнѣ удалось видѣть здѣсь только *горьлки*, называемыя по Шведски *вдовьею игрою* (*enk-lek*); *быть вдовой* значитъ по-нашему *горьть*.

Въ отношеніи къ образованности, въ Финляндіи нѣтъ слишкомъ рѣзкаго различія между сословіями. Первыя начала ея распространены даже въ простомъ народѣ; но и высшее университетское образованіе очень обыкновенно. Почти каждый отецъ семейства, какаго бы званія онъ ни былъ (если только имѣеть къ тому средства), посылаетъ сына своего въ школу, а оттуда въ университетъ. Молодой человекъ, озаряя душу свѣтомъ наукъ, часто борется съ нуждою въ обители ихъ; вотъ почему, всякому студенту въ университетѣ и въ гимназіяхъ позволяется, прервавъ ученіе, года на два уѣхать во внутренность края, чтобы посредствомъ уроковъ снискать себѣ способности дальнѣйшаго воспитанія. И вотъ какое-нибудь благочестивое семейство, живущее въ глуши далекаго прихода, принимаетъ юношу на своей уединенной мызѣ. Скромный наставникъ-ученикъ уже пожинаетъ плоды трудовъ своихъ; пріобрѣтенными познаніями онъ уже дѣлится съ младшимъ поколѣніемъ, но еще болѣе учится самъ на лонѣ природы и въ кругу людей неспорченныхъ.

Съ новыми силами, съ новымъ взглядомъ на міръ и ученіе, и, что также не менѣе важно, съ новымъ запасомъ вещественныхъ средствъ, возвращается питомецъ подъ сѣнь покинутаго крова, и здѣсь довершаетъ свое образованіе. Изъ университета почти всѣ молодые Финляндцы поступаютъ на службу: избирающіе военное поприще пріѣзжаютъ по боль-

шой части въ Петербургъ, а изъ посвящающихъ себя юридической дѣятельности только немногіе покидаютъ Финляндію. Чтобы приглядѣться къ производству дѣлъ, они обыкновенно начинаютъ свои занятія поездками съ судьей на мѣста, гдѣ совершается судъ (ting) *. Это предоставлено, наравнѣ съ уроками, и тѣмъ изъ студентовъ, которые нуждаются въ денежныхъ средствахъ.

Такимъ образомъ число истинно-просвѣщенныхъ людей въ Финляндіи значительно; за-то тамошнее воспитаніе рѣдко отличается блескомъ наружнымъ. На изученіе языковъ обращается даже въ Гельсингфорсѣ мало вниманія. По-Французски говоритъ почти одно высшее общество, да и то не всегда хорошо. Здѣсь Французскія фразы отзываются Шведскими идиотизмами и шипятъ Шведскими звуками. Нѣмецкій языкъ извѣстенъ гораздо большому кругу людей, потому-что, какъ языкъ ученаго міра, необходимъ при университетѣ, да и по родству своему съ Шведскимъ легко доступенъ Финляндцамъ. Между образованными мущинами большая часть говоритъ или, по крайней мѣрѣ, читаетъ по-Нѣмецки. Дамы средняго общества рѣдко знаютъ какой-нибудь дру-

* Въ Финляндіи каждому судѣ ввѣряется нѣсколько приходовъ, которые онъ долженъ объѣзжать по два раза въ годъ. Во всякомъ приходѣ выстроены для него особый домъ (tingsgård), гдѣ онъ останавливается и куда стекаются изъ окрестностей всѣ, имѣющіе въ немъ надобность.

гой языкъ, кромѣ Шведскаго. Съ Русскимъ знакомы преимущественно служащіе. Въ Выборгской губерніи собственно нѣтъ господствующаго языка: всего болѣе слышны Нѣмецкіе и Русскіе, но рѣдко не искаженные, звуки; простой народъ говоритъ по-Чухонски и кое-какъ по-Русски; Шведскій языкъ, и то въ испорченномъ видѣ, употребляется мало.

Не смотря на общую образованность Финляндцевъ, любовь къ чтенію, къ литературѣ, составляетъ между ними, даже въ Гельсингфорсѣ, черту не слишкомъ обыкновенную. О другихъ, особенно отдаленныхъ городахъ, нечего и говорить: трудность сообщеній и бѣдность жителей не благопріятствуютъ книжной торговлѣ. Въ Гельсингфорсѣ двѣ книжныя лавки: одна, университетская, принадлежитъ г-ну Вассеніусу, другая г-ну Френкелю; но обѣ, при незначительности требованій, болѣе выпиываютъ книги по особымъ заказамъ, нежели держатъ ихъ въ запасъ; обѣ съ главнымъ своимъ назначеніемъ соединяютъ еще и другія. И здѣсь и тамъ первое мѣсто занимаютъ Шведскія, а на другихъ языкахъ учебныя сочиненія. За тѣмъ слѣдуютъ Нѣмецкія, Французскія и Англійскія книги. Главная бібліотека для чтенія есть университетская, которая щедротамъ Государя Императора и усердію частныхъ лицъ обязана значительнымъ приращеніемъ послѣ Абоскаго пожара: тогда изъ 50000 томовъ въ ней уцѣлело едва 840; теперь ихъ уже опять 40000 слишкомъ.

Книгъ въ Финляндіи издается мало, всего болѣе однако жъ на Шведскомъ языкѣ; но и между тѣми нѣкоторыя (особливо учебныя) не что иное, какъ перепечатанныя произведенія Шведскихъ типографій. Изрѣдка появляются краткія сочиненія и переводы на Финскомъ языкѣ, болшею частію назначаемые для простаго народа. Лучшее достояніе собственно-Финской литературы составляютъ пѣсни, въ продолженіе вѣковъ сохраняющіяся въ памяти народной, или и вновь сочиняемыя крестьянами: онѣ въ новѣйшее время нашли пламеннаго собирателя въ докторѣ медицины г-нѣ Лёнротъ *. Но здѣсь не мѣсто распространяться о литературѣ въ Финляндіи.

* Г. Лёнротъ (Elias Lönnrot) совершилъ подвигъ необыкновенный, и если бѣ дѣйствовалъ въ литературѣ болѣе извѣстной, то имя его давно уже было бы славнымъ въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Лѣтъ двенадцать тому назадъ рѣшилъ онъ обойти пѣшкомъ разныя части Финляндіи для собиранія народныхъ пѣсень, изъ которыхъ только малое число было до того времени подслушано. Когда онъ успѣлъ накопить ихъ довольно много и сталъ внимательно изучать бывшія въ рукахъ его пѣсни, то открылъ между нѣкоторыми изъ нихъ внутреннюю связь: въ немъ пробудилась мысль, что должна существовать какая-то большая цѣльная поэма, которой отрывки разсѣяны въ народѣ. Съ жаромъ устремился онъ тогда къ прекрасной цѣли отыскать всѣ эти отрывки и возстановить, по возможности, ихъ забытое единство. Геніальная догадка оправдалась, и въ 1835-мъ году издана въ Гельсингфорсѣ народная Финская поэма въ 32-хъ пѣсняхъ, которую незабвенный собиратель назвалъ: *Калевала* (мифологическое имя Финляндіи). Такое замѣчательное явленіе можетъ послужить важною данной въ нескончаемомъ спорѣ объ Омерѣ. Содержаніе и духъ Калевалы, какъ и вообще Финской народной поэзіи, обильной самобытными красотоми, составятъ одинъ изъ предметовъ другой статьи.

Мы хотѣли только представить нѣсколько данныхъ для сужденія о степени умственной производительности въ этомъ краѣ. Остается еще сказать слова два о тамошнихъ періодическихъ изданіяхъ. Съ 1830-го по 1839-й годъ ихъ выходило ежегодно отъ 6-ти до 10-ти, въ томъ числѣ обыкновенно одинъ или два листка на языкѣ Финскомъ. Въ нынѣшнемъ году въ разныхъ городахъ Финляндіи издается 13 газетъ: 10 на Шведскомъ и 3 на Финскомъ, послѣднія для простолюдиновъ. Предметы первыхъ различны: одна чисто - официальная, двѣ входятъ въ область религіи, остальные смѣшаннаго или исключительно литературнаго содержанія. Литературныя газеты въ Финляндіи, къ сожалѣнію, наполняются по большей части статьями, заимствуемыми изъ разныхъ иностранныхъ изданій, и заключаютъ въ себѣ мало такихъ, которыя относились бы собственно къ Финляндіи. Выше прочихъ, по оригинальности, стоятъ листки, издаваемые въ Борго и Вазѣ. Главная официальная газета (Finlands Allmänna Tidning) выходитъ ежедневно; изъ духовныхъ — одна появляется ежемѣсячно, другая еженедѣльно; остальные разъ или два въ недѣлю. Объемъ Финляндскихъ газетъ — листъ или поллиста на каждый №; цѣны ихъ различны: самая дорогая 10 р. на асс., самая дешевая 2 р. 30 к. въ годъ.

Исторія просвѣщенія въ Финляндіи тѣсно связана съ исторіею Александровскаго университета, и потому еще не стара. Правда, Финны до покоренія

ихъ Шведами пользовались уже въ нѣкоторой степени образованіемъ самобытнымъ, но оно развивалось тихо въ оковахъ язычества и грубаго суевѣрія. Въ XIII вѣкѣ проникають сюда первые лучи вѣры Христовой; но не въ духъ Спасителя распространяють завоеватели кроткое ученіе его. Ужасы насилія сопровождаютъ святое крещеніе; раздраженный народъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи; медленны успѣхи Христіанства среди утесовъ и лѣсовъ Финскихъ. Наконецъ Крестъ водружается въ пустыняхъ, обогранныхъ кровью жертвъ; но суевѣріе еще долго таится подъ его сѣнію; оно сохраняется еще и послѣ того, какъ власть Папская, въ царствованіе Густава I, уступаетъ и здѣсь вліянію Лютера.

Уже Католическое духовенство положило въ Финляндіи нѣкоторое основаніе обученію народа. Во второй половинѣ XIV столѣтія существовала школа въ Або; вслѣдъ за нею появились вѣроятно и другія; но «ученіе въ нихъ, говоритъ г. Рейнъ *», было очень неудовлетворительно, и всякій, кто хотѣлъ высшей учености, долженъ былъ искасть ея въ чужихъ краяхъ. Отъ того мы и находимъ, что въ этомъ періодѣ многія лица высшаго духовенства Финляндскаго образовывались и достигали ученыхъ степеней въ Парижѣ или въ Прагѣ, а послѣ и въ Лейпцигѣ... Даже въ первомъ столѣтіи послѣ Реформаціи были въ Финляндіи только низшія училища, и исторія сохранила мно-

* Въ названной выше: Statistische Darstellung etc.

го доказательствъ, какъ недостаточно было у насъ образованіе въ XVI и XVII вѣкахъ. Не прежде, какъ въ царствованіе Густава Адольфа, въ 1630-мъ году, была учреждена гимназія въ Або».

Во время малолѣтства королевы Христины генераль-губернаторомъ Финляндіи былъ, какъ мы уже видѣли, незабвенный въ лѣтописяхъ этой страны графъ Браге. Неумоимо улучшая ея состояніе по всемъ частямъ, онъ особенно заботился о распространеніи между народомъ способовъ ученія. Онъ умножилъ въ Финляндіи число школъ и увѣнчалъ столь благотворную дѣятельность обращеніемъ Абоской гимназіи въ университетъ. 1640-й годъ, въ который совершилось это преобразование, долженъ быть драгоцененъ для памяти Финляндцевъ. Только отсюда они могутъ вести начало истиннаго просвѣщенія въ своемъ отечествѣ; но еще много прошло времени, пока новое заведеніе дѣйствительно стало оказывать въ полной мѣрѣ ту пользу, какой отъ него ожидать надлежало.

Одинъ Нѣмецкій ученый, писавшій о Финляндіи, собралъ въ своей книгѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей на счетъ первой поры существованія университета въ Або. Вотъ главныя изъ нихъ. День открытія училища, 15-е іюля, былъ праздникомъ для цѣлаго края: всюду веселились, отправляли богослуженіе. Послѣ торжественнаго освященія данъ былъ роскошный обѣдъ, а черезъ два дня было

представлено зрѣлище подъ заглавіемъ *Студенты*. Такія представленія вскорѣ начали возобновляться очень часто, но уже одни заглавія ихъ свидѣлствуютъ о тогдашнемъ безвкусіи. Важнѣйшія роли были исполняемы шутами, находившимися, по обычаю вѣка, при вельможахъ.

Профессорами назначены были частію преподаватели прежней гимназіи, частію ученые, нарочно вызванные изъ Швеціи. Сначала университетъ долженъ былъ довольствоваться старыми зданіями гимназіи, только немного подновленными. Аудиторій нельзя было топить, почему зимою чувствовали въ нихъ едва выносимую стужу; при всемъ томъ, до позднѣйшаго времени, нужда заставляла пользоваться ими, хотя съ большимъ вредомъ для студентовъ. Сколько допускали обстоятельства, внутреннее учрежденіе согласовалось съ уставомъ университета Упсальскаго (основ. 1476). Лекціи читались на Латинскомъ языкѣ и были почти исключительно публичныя, потому-что бѣдность большей части студентовъ не позволяла имъ платить за частныя уроки. Сверхъ испытаній и прѣній, вспомогательнымъ при ученіи средствомъ служили рѣчи, то въ прозѣ, то въ стихахъ, которыя студенты обязаны были произносить публично въ извѣстные дни, обыкновенно по воскресеньямъ послѣ обѣда.

Число учащихся, съ самаго начала, превзошло всѣ ожиданія, и безпрестанно возрастало; даже изъ Швеціи спѣшили молодые люди въ новую обитель наукъ, на берега Ауры. И вотъ въ 1643-мъ году объявлено первое производство въ магистры по философскому факультету. Правительство, желая охранить достоинство академическихъ званій, напомнило, что предлагаемая степень можетъ быть доступна не всякому, но только немногимъ ученымъ мужамъ. Одинъ изъ кандидатовъ былъ довольно свѣдущъ, но не совсѣмъ безукоризненъ «*in vita et moribus* (въ поведеніи и нравственности)»; поэтому признано, что его можно *промовировать*, но нельзя ему вступать въ прѣніе *pro gradu*. Другой вовсе никуда не годился, и потому его обязали или проучиться еще три года, или немедленно уѣхать куда-нибудь въ Швецію, гдѣ бы его *слабость въ наукахъ* не могла обнаружиться къ посрамленію университета.

Источникомъ издержекъ новаго училища были предназначены доходы самой Финляндіи; но при изнуренномъ ея положеніи, тамошнія кассы почти все не наполнялись, и жалованье учителямъ рѣдко производилось исправно. Разстройство финансовъ было непомерное: надобно удивляться рѣшимости правительства, которое въ столь бѣдственное время не усомнилось основать заведеніе, хотя и чрезвычайно благодѣтельное для края, но требовавшее расходовъ огромныхъ. Большимъ препятствіемъ ученію служилъ

недостатокъ книгъ. Университетъ всячески старался привлечь въ Або какаго-нибудь иностраннаго книгопродавца; дѣйствительно, тамъ поселились-было для книжной торговли двое купцовъ изъ Любека, но предпріятіе ихъ не имѣло успѣха, и трудность доставать книги возобновилась. Въ 1642-мъ году учреждена была въ Або первая типографія: тогда профессоры, всякій по своему предмету, начали издавать руководства въ видѣ прѣній; студенты тщательно собирали ихъ, и эти-то книжки служили основаніемъ лекцій.

Тихо однако жъ водворялось высшее образованіе. Изъ самихъ учителей университета нѣкоторые были ослѣплены предразсудками: одинъ защищалъ астрологію, другаго товарищи уличали въ колдовствъ. Вообще, въра въ чародѣйство, въ сношенія съ злымъ духомъ и т. п., не исчезала между Финнами до позднѣйшихъ временъ, и еще въ началѣ XVIII столѣтія былъ производимъ судъ по обвиненіямъ такого рода. Но въ то же время распространялись полезныя свѣдѣнія; молодые люди во множествѣ стекались въ университетъ, и оттуда разносили свѣтъ наукъ по всемъ частямъ края.

Дальнѣйшую исторію университета и извѣстія о настоящемъ его состояніи находимъ въ книжкѣ г. Рейна, откуда и заимствуемъ ихъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Въ продолженіе великой сѣверной войны, во время Петра Великаго и Карла XII, университетъ былъ закрытъ, а въ 1722 году снова вступилъ въ дѣйствіе, и съ тѣхъ поръ благотворныя послѣдствія просвѣщенія становились болѣе и болѣе ощутительными, особенно когда въ исходѣ прошлаго столѣтія вліяніе университета на Финляндію усилилось отъ содѣйствія отличныхъ преподавателей.

Въ 1802 г. король Густавъ IV Адольфъ, находясь въ Або, самъ положилъ первый камень для новаго, болѣе обширнаго зданія университета; въ его же царствованіе была соединена съ симъ училищемъ богословская семинарія.

Но совершенно новая эпоха для университета началась со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи. Императоръ Александръ I повелѣлъ значительно распространить неконченное еще зданіе университета, назначилъ большія суммы на умноженіе учебныхъ собраній и на пособія бѣднымъ студентамъ, удвоилъ число преподавателей, приказалъ построить астрономическую обсерваторію и клинику, и ввѣрилъ верховное начальство надъ университетомъ Августѣйшему Брату Своему, Его Императорскому Высочеству Николаю Павловичу, нынѣ благополучно царствующему Всемилостивѣйшему Государю нашему. Съ радостными надеждами на свѣтлую будущность продолжалъ университетъ свою дѣятельность, пока по-

жарь 1827-го года внезапно не пресѣкъ ея, обративъ въ пепель все зданіе съ его богатыми собраніями.

Если университетъ Финляндскій никогда еще не былъ въ столь горестномъ положеніи, какъ послѣ сего бѣдствія, за то не испытывалъ онъ никогда въ такой обильной мѣрѣ и благодѣяній могущественнаго Монарха. Потери, для вознагражденія которыхъ при Шведскомъ правительствѣ потребовалось бы цѣлыхъ столѣтій, были вознаграждены въ немногіе годы великодушнымъ вспомошествованіемъ Императора Николая. Украшенный именемъ втораго Основателя своего, Александра, возсозданный Монаршими щедротами, университетъ уже осенью 1828 года возобновилъ свою дѣятельность въ Гельсингфорсѣ, и въ замѣнъ устарѣвшихъ академическихъ постановленій, получилъ новый уставъ, болѣе сообразный съ состояніемъ современнаго просвѣщенія.

Въ силу этаго устава, при университетѣ состоитъ, по четыремъ его факультетамъ, 49 преподавателей, между которыми 22 профессора и 15 адъюнктовъ; сверхъ того, неопредѣленное число частныхъ преподавателей (доцентовъ). Среднее число студентовъ, если считать и тѣхъ, которые, какъ объяснено выше, находятся во временномъ отсутствіи, простирается до 600 человекъ; наличныхъ же бываетъ отъ 400 до 500.

Вскорѣ послѣ основанія университета, главное начальство надъ нимъ было возложено на *канцлера*, который при Шведскомъ правительствѣ обыкновенно опредѣляемъ былъ изъ среды государственныхъ совѣтниковъ. Подъ Русскимъ же правленіемъ университетъ пользуется счастіемъ называть верховнымъ своимъ начальникомъ Особу Императорскаго Дома *. Сверхъ того, для ближайшаго завѣдыванія университетомъ, Всемилоствѣйше назначается особое лицо съ титуломъ вице-канцлера. Непосредственный начальникъ, какъ и при другихъ университетахъ, есть ректоръ, чрезъ каждые три года избираемый изъ ординарныхъ профессоровъ, и утверждаемый вице-канцлеромъ. Ректоръ и ординарные профессеры составляютъ университетскую консисторію.

Кромѣ Александровскаго университета, есть въ Гельсингфорсѣ и нѣсколько другихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній: между послѣдними укажемъ на лицей, основанный однимъ частнымъ человекомъ, а изъ первыхъ назовемъ учрежденное въ 1831-мъ году Финское литературное общество, котораго цѣль состоитъ въ содѣйствіи успѣхамъ языка и литературы Финновъ.

Еще многое можно бъ было сказать о различныхъ учрежденіяхъ и мѣстахъ въ Гельсингфорсѣ.

* Нынѣ Его Императорское Высочество Государя Наслѣдника.

Можно бы было, напримѣръ, повести читателя къ превосходной пристани, гдѣ у самаго берега стоитъ большое число судовъ всякаго размѣра и которая каждое утро пестрѣетъ торговцами и торговками, прибывающими въ своихъ лодкахъ съ рыбою и другими съѣстными припасами; потомъ указать невдалекъ отъ того же берега обелискъ, сооруженный въ память посѣщенія Гельсингфорса Государынею Императрицею въ 1833 году; оттуда пойти на широкій бульваръ, ведущій къ театру и на которомъ цѣлый день встрѣчаешь гуляющихъ или прохожихъ; послѣ отправиться по отлогому скату огромной скалы на трехбашенную обсерваторію, или на противоположной край города, въ ботаническій садъ, гдѣ много прелестныхъ видовъ, но мало тѣни; наконецъ, направить путь къ одной изъ прекрасныхъ по архитектурѣ казармъ, или моремъ въ Свеаборгъ, съ которымъ почтовые катера содержатъ почти непрерывное сообщеніе: все это было бы очень легко, но завело бы насъ слишкомъ далѣко, и притомъ есть предметы, занимательные въ дѣйствительности, и скучные на бумагѣ. По нашему мнѣнію, списывать зданія и мѣстоположенія не карандашемъ, а словами, есть трудъ, по большей части, и бесполезный и неблагодарный. Искать въ Гельсингфорсѣ достопамятныхъ остатковъ старины было бы также напрасно. Ревель, который во всемъ противоположенъ ему, какъ лѣвая сторона — правой, какъ старецъ — юношѣ, какъ урокъ — красавцу, Ревель въ этомъ отношеніи

имѣетъ передъ нимъ явное преимущество. Таинственность, которою вѣютъ тамъ мрачныя стѣны, башни и улицы, возбуждаетъ неодолимое желаніе проникнуть во внутренность этихъ ветхихъ жилищъ, и какъ будто уловить въ нихъ прошедшее. И это желаніе остается не вовсе безъ удовлетворенія. Стоишь ли подъ рухлыми сводами старинной церкви, которые увѣшаны вычурными гербами — живыми уликами суетности мертвыхъ; гуляешь ли по крутому валу, нѣкогда свидѣтелю кровопролитныхъ споровъ; вступаешь ли подъ темныя ворота, гдѣ совершилась достопамятная казнь, или бродишь подъ вѣковыми липами Екатериненталя: всюду невольно сзываешь вокругъ себя тѣни давноминувшаго, всегда величавыя, всегда исполинскія въ сравненіи съ явленіями настоящаго; воображенію просторно, и пасмурная внѣшность предметовъ пріобрѣтаетъ новую цѣну въ глазахъ мыслящаго странника. Напротивъ, въ Гельсингфорсъ время не оставило ничего, кромѣ слѣдовъ своей губительной силы; тамъ все привлекательное принадлежитъ настоящему, а старинъ — одно безобразное и притомъ лишенное значенія.

Между другими городами Финляндіи нѣкоторые богаче историческими воспоминаніями; но, какъ уже было замѣчено, всѣ они бѣдны на видъ и нуждаются въ предметахъ, которые бы свидѣтельствовали объ избыткѣ благосостоянія и успѣхахъ Европейской гражданственности. За то, кто любитъ природу, тотъ

найдетъ ее здѣсь еще дѣвственною * и, въ самой ея дикости, очаровательною. Красоты Финляндіи, которыя съ нею раздѣляетъ только Скандинавскій полуостровъ, ознаменованы совершенно самобытнымъ характеромъ. Изъ-за рѣки Торнео входитъ сюда цѣпь гранитныхъ, не очень высокихъ скалъ, раздѣляющаяся на нѣсколько вѣтвей. Приближаясь къ Ботническому заливу, эти скалы постепенно понижаются и наконецъ почти вовсе исчезаютъ; напротивъ, въ Финскій заливъ вдаются онѣ крутыми утесами, такъ-что весь берегъ унизанъ острыми мысами, передъ которыми море усѣяно множествомъ скалистыхъ острововъ. Совокупность тѣхъ и другихъ составляетъ такъ называемые *шеры* (skär). Скалы, вьющіяся по всей Финляндіи, во многихъ мѣстахъ покрыты лѣсомъ и раздѣлены широкими озерами, роскошно покоящимися въ неправильныхъ тысячеугольныхъ берегахъ, въ вѣчно-зеленомъ поясъ изъ елей и сосенъ. Эти зыбкія площади покрыты, по большой части, грядами острововъ, одѣтыхъ въ такой же неувядающей уборѣ. Многія озера связаны между собою протоками и подобно заливамъ морскимъ принимаютъ въ свои чаши сотни рѣчекъ и рѣкъ, стекающихъ по гранитнымъ скатамъ, часто стѣсняемыхъ въ своемъ каменистомъ ложѣ, и образующихъ иногда шумные, пѣнистые водопады или пороги. Такимъ образомъ, всюду перерѣзанная то неподвижны-

* Эта мысль прекрасно развита Рупебергомъ въ статьѣ, которой переводъ напечатанъ въ предъидущей книжкѣ Современника.

ми, то стремительными массами воды. скалистая Финляндія являетъ какъ бы соединеніе безчисленнаго множества острововъ и вся уподобляется тѣмъ самымъ шерамъ, которыя отличаютъ верхній берегъ Финскаго залива.

Окрестности Гельсингфорса изобилуютъ прелестными въ своемъ родѣ мѣстами. Здѣсь природа дика и величественна, какъ нагія скалы и море, составляющія двѣ существенныя принадлежности окружающихъ видовъ. Но человѣческія жилища, среди ихъ разбросанныя, значительно смягчаютъ ихъ суровый характеръ. За то здѣсь чувствуешь отсутствіе той маланхолической, непзъяснимо-сладостной прелести, какою во внутренности края дышутъ обширныя пустыни съ своею невозмутимою тишиной, сверкающими озерами, безконечными лѣсами и открытыми горизонтами, окраенными синевой далекихъ горъ. Въ этихъ чудныхъ мѣстахъ, святилищахъ уединенія, гдѣ воздухъ такъ чистъ и такъ напитанъ благовоніемъ сосенъ, невольно сравниваешь Финляндію съ прекрасною невѣстой, у которой всѣ черты лица, всѣ движенія и даже самая улыбка проникнуты глубокою, таинственною грустью. Тщетно солнце, ея пламенный, лучезарный женихъ, осыпаетъ красавицу пышными дарами, озаряетъ ее сіяніемъ своего величія, своей славы: печать унынія не сходитъ съ чела невѣсты.

Гельсингфорскія окрестности, частію приморскія мызы (наприм. Hertonäs, Munksnäs), частію острова (Turholm, Tamelund) бывають нерѣдко цѣлю прогулокъ, предпринимаемыхъ иногда цѣлымъ обществомъ на парохоть Лѣнтея. Кто пожелаетъ бѣльшаго разнообразія, тотъ изъ Гельсингфорса легко можетъ попать и въ другіе ближніе города. Мы уже видѣли, какимъ важнымъ средствомъ сообщеніи служатъ Финляндіи парохоты; но и сухопутная по ней ѣзда дешева и удобна: нужно только, отправляясь въ дорогу, брать нѣкоторыя предосторожности. Такъ, если ѣдешь въ четырехколесномъ экипажѣ, необходимо имѣть свою сбрую, своего кучера и запасъ веревокъ. Тамошніе крестьяне, привыкшіе безопасно мчаться въ своихъ легкихъ тележкахъ по превосходнымъ дорогамъ, вовсе неискусны въ кучерскомъ дѣлѣ и не любятъ противорѣчить инстинкту своихъ животныхъ: въ гору везутъ они шагомъ, а съ горы даютъ лошадямъ бѣжать во всю прыть, и не заботятся о безопасности тяжелыхъ повозокъ. Большая часть станцій, находящихся по внутреннимъ дорогамъ, едва удовлетворяетъ самымъ существеннымъ потребностямъ проѣзжаго. Напротивъ, вдоль береговъ морскихъ, особливо между Гельсингфорсомъ и Або, учрежденія эти вообще въ хорошемъ, а нѣкоторыя даже и въ отличномъ положеніи. Вездѣ разстояніе между ними (hall, упряжка) простирается отъ 10-ти до

20-ти верстѣ, или отъ одной до двухъ Шведскихъ миль *.

Финляндскія станціи, устроенныя по образцу Шведскихъ, называются *гастгёберствами* (*gästgifvaregård*) **, потому-что главная принадлежность каждой изъ нихъ есть *гостинница*, которой содержатель (*гастгёберъ*) служитъ станціоннымъ смотрителемъ. Для отправленія гоньбы (*skjuts*, чит. шусъ), къ нему поочередно является изъ окружныхъ селеній определенное число *подводчиковъ* (*skjutsbönder*), каждый съ лошадыю, сбруей и тележкой. Самъ гастгёберъ держитъ также нѣсколько лошадей, употребляемыхъ тогда лишь, когда первыхъ недовольно; а на случай, ежели неостанетъ и тѣхъ и другихъ, есть еще лошади запасныя. Онѣ остаются у сосѣднихъ крестьянъ на мѣстахъ; но только-что понадобятся, кто-нибудь изъ наличныхъ подводчиковъ скачетъ за ними верхомъ. Однако жъ, къ запаснымъ лошадямъ въ Финляндіи прибѣгаютъ рѣдко: обыкновенно становится и очередныхъ. Такимъ образомъ, здѣсь можно всегда быть довольно спокойнымъ на счетъ дальнѣйшей ѣзды своей, и не нужно, какъ въ Швеціи, посылать передъ собою особаго ѣздоваго (*förgbud*) для заказа подводъ цѣлыми

* Шведская миля, разная 10-ти нашимъ верстамъ, раздѣляется на четыре доли, которыя и называются *четвертями* (*fjerdedel*) и заключаютъ въ себѣ, каждая, $2\frac{1}{2}$ Русскія версты.

** Въ Выборгской губерніи Русскіе называютъ станціи *кишкы-верами*, ломая слово въ Финскомъ его превращеніи.

сутками ранѣе того часа, когда предполагаешь воспользоваться ими.

Путешественниковъ, не имѣющихъ своего собственного экипажа, ожидаетъ на каждой станціи большое число двуколесныхъ тележекъ (кӓгга, чит. чѣрра), деревянныхъ, но различно сдѣланныхъ, смотря по племени и степени достатка поселянъ. По берегамъ, у Шведскихъ колонистовъ, онѣ очень сносны: тамъ надъ ними, противъ оси, устроена скамья со спинкою, и онѣ, подобно самому станціонному дому, отличаются краснымъ цвѣтомъ — любимую краской сельскихъ жителей Скандинавіи. Но въ скудныхъ мѣстахъ, у Финновъ, даже въ Выборгской губерніи, неудобство такихъ тележекъ превосходитъ всякое описаніе: это, по-просту, плотно сколоченный четырехъ-угольный ящикъ на двухъ колесахъ, у котораго надъ осью бываетъ привязана поперечная доска, или протянута ряда въ три толстая веревка. Напрасно предусмотрительный странникъ устилаетъ свое будущее сѣдалище сѣномъ; это не спасетъ его отъ ужасной пытки, и еще онъ долженъ благодарить судьбу, если доска не будетъ ежеминутно сползать то съ одной стороны, то съ другой. А между-тѣмъ неизбалованный Финнъ спокойно сидитъ впереди на остромъ углу тележки и, можетъ быть, удивляется неугомонности своего сѣдока, который то-и-дѣло останавливаетъ его, чтобы хоть нѣсколько поправить свое критическое положеніе. Вотъ почему всякому, кто намѣренъ довольствоваться

ся крестьянскою каріолкой, нехудо заpastись большимъ кулемъ сѣна и, пожалуй, еще подушкой для предохраненія себя отъ дѣйствія деревянной спинки тамъ, гдѣ есть настоящія скамьи. При соблюденіи этой предосторожности, станціонныя тележки очень удобны; впрочемъ, кто ищетъ бѣльшаго комфорта, тотъ можетъ въ каждомъ порядочномъ городѣ купить или нанять спокойную одноколку на рессорахъ (chaise). Какъ бы ни было, при гористой почвѣ Финляндіи, одинокій путешественникъ долженъ предпочесть этаго рода экипажъ всякому другому. Налегкъ, съ широкопольною шляпой и непромокаемымъ плащемъ, можно смѣло пуститься въ такой тележкѣ куда угодно, не заботясь о погодѣ.

Гастгеберство иногда стоитъ уединенно съ двумя или тремя необходимыми строеніями; иногда же занимаетъ небольшую только часть двора, тѣсно обставленнаго домишками. Оно уже издали даетъ о себѣ знать огромнымъ шестомъ, поднимающимся передъ самою станціей и вверху котораго видна вывѣска съ изображеніемъ коня. Какъ скоро кто-нибудь подъѣдетъ и потребуетъ лошадей, очередной подводчикъ немедленно бѣжитъ за ними. Между-тѣмъ, если путешественникъ не расположенъ войти въ комнату, гастгеберъ или, во многихъ мѣстахъ, женщина, отправляющая его должность, выноситъ чернильницу съ перомъ и небольшую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ. Въ графахъ той, такъ называемой, *дневной книги* (dagbok) всякій

прѣзжіи обязанъ означить свое имя, чинъ или званіе; далѣе мѣста, откуда и куда ѣдетъ; наконецъ число и родъ лошадей *, которыхъ онъ беретъ. Есть еще графа, гдѣ недовольный гастгеберомъ или подводчикомъ вправѣ записать жалобу; но этотъ отдѣлъ, при всеобщемъ уваженіи закона, почти всегда остается пустымъ. Справедливая жалоба никогда не проходитъ безъ послѣдствій, потому - что дневная книга, по окончаніи всякаго мѣсяца, представляется главному мѣстному начальству, которое вмѣсто нея выдаетъ гастгеберу новую. На первой страницѣ тетради означены имя станціи, ея разстоянія отъ станцій окружающихъ и плата, слѣдующая за каждую упряжку. За версту платятъ здѣсь по 6-ти коп. на лошадь, съ удвоеніемъ этой цѣны, когда ѣдешь изъ ближняго города; кто пользуется крестьянской тележкой, придаетъ 5-ть коп. за цѣлое разстояніе отъ одной станціи до другой. Деньги получаетъ изъ рукъ платящаго самъ подводчикъ, который никогда не осмѣливается просить прибавки и за малѣйшій излишекъ почтительно изъявляетъ свою благодарность. Однако жъ, напередъ обѣщать ему на-водку (dricksprennigar) вовсе не мѣшаетъ: замѣчено, что отъ такого обѣщанія термометръ усердія и въ здѣшнемъ климатѣ высоко подымается. Для путевыхъ, нерѣдко очень дробныхъ расчетовъ, необходимо уже при началѣ поѣздки наготовить какъ можно болѣе мелкихъ денегъ,

* Онѣ, какъ показано, бываютъ: станціонныя, гастгеберскія и запасныя.

какъ бумажками, такъ и мѣдью. Иначе подвергаешься опасности или съѣсть посреди дороги на медь, или поневолю сдѣлаться чрезвычайно щедрымъ: не только на отдаленныхъ станціяхъ, но и въ нѣкоторыхъ городкахъ часто не сыщешь никого, кто бы въ состояніи былъ размѣнять посредственную ассигнацію.

Но заглянемъ во внутренность гастгеберства. Тамъ, обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, найдете вы нѣсколько комнатъ, назначенныхъ для проезжихъ и гдѣ степень опрятности, мѣра удобствъ, качество и количество съѣстныхъ припасовъ зависятъ отъ разныхъ обстоятельствъ. Полъ усыпанъ ельникомъ; по сторонамъ столы, стулья и скамьи стариннаго вида, темнокраснаго цвѣта. Устланныя перинами кровати не вездѣ привлекательны для взора, а когда ближе познакомишься съ ними, то испытываешь, что наружность на этомъ свѣтѣ не всегда обманлива, хотя подъ нею многого и не видно. Къ стѣнамъ, иногда покрытымъ обоями, прибиты большіе печатные листы: это нужнѣйшія свѣдѣнія о станціяхъ на Русскомъ, Финскомъ и Шведскомъ языкахъ; а подалеже висятъ обыкновенно разнаго рода произведенія живописи съ толкованіями на всякихъ діалектахъ и съ стольже краснорѣчивыми слѣдами времени.

Вниманіе ваше непременно обратитъ на себя и самъ гастгеберъ, обыкновенно человѣкъ очень вѣжливый, довольно образованный по своему званію и ли-

помъ своимъ выражающій честное примодушіе. Таковы вообще здѣшніе поселяне; особенной похвалы заслуживаетъ ихъ честность. Воровство между ними чрезвычайно рѣдко, и путешественникъ можетъ спокойно уходить отъ своихъ вещей, оставляя ихъ въ экипажъ безъ всякаго присмотра. Иногда онъ встрѣчаетъ также отрадное доказательство доброты въ той неподдѣльной заботливости, съ какою стараются удовлетворить его нуждамъ. Скучность и дурной вкусъ предлагаемыхъ ему кушаній вознаграждаются часто усерднымъ радушіемъ, съ какимъ его угощаютъ, и онъ покидаетъ смиренный кровъ по крайней-мѣрѣ съ пріятнымъ воспоминаніемъ, если не съ сытымъ желудкомъ.

По береговымъ, много посѣщаемымъ, дорогамъ такого недостатка въ съѣстныхъ припасахъ встрѣтить нельзя; на тамошнихъ станціяхъ легко даже увидѣть порядочное мясо и другія рѣдкости; но углубляясь во внутренность края, полезно везти съ собой нужнѣйшую пищу. Здѣсь прихотливому путешественнику бѣда, если онъ за пожертвованіе мелочными удобствами не умѣетъ находить возмездія въ картинахъ величавой природы и въ зрѣлищъ простыхъ, еще полупатріархальныхъ нравовъ. Не одни поселяне — другія сословія также могутъ представить ему утѣшительные примѣры любви къ ближнему. Изъ многихъ случаевъ, о томъ свидѣтельствующихъ, приведу одинъ только. Въ началѣ осени 1838-го года

темная дождливая ночь застигла меня на дорогѣ изъ Або въ Таммерфорсъ. По ней, въ то же время и по тому же направленію, ѣхало немалое число купцовъ, спѣшившихъ на ярмарку, ежегодно бывающую въ Таммерфорсъ. Они хотя и были съ товарами, однако жъ по привычкѣ, почти всеобщей въ Финляндіи, отправлялись и въ этомъ случаѣ каждый въ своей одноколкѣ, что легко допускала незначительность поклажи. Но не въ томъ дѣло. Чувствуя потребность въ отдыхѣ, я рѣшился искать пріюта на одной бѣдной станціи, скрывавшейся посреди цѣлаго кружка строеній. Все уже спало, нигдѣ не мелькало ни огонька, и я не зналъ, у котораго изъ домиковъ постучаться. Выборъ мой палъ на ближайшую дверь. Скоро кто-то отворилъ мнѣ и услышавъ, что передъ нимъ запоздалый путешественникъ, тотчасъ накинулъ на себя платье, досталъ огня и принялся вмѣстѣ со мною втаскивать мои вещи. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что попалъ въ грязную конуру, гдѣ едва была и необходимѣйшая мебель. На полу лежали двѣ наскоро изобрѣтенныя постели, которыя вполнѣ соответствовали всему прочему; на одной изъ нихъ храпѣлъ какой-то мальчикъ. Впустившій меня человекъ, не смотря на мои убѣжденія, успѣшилъ разбудить бѣдняжку, согналъ его съ постели и сталъ предлагать ее мнѣ. Мы всѣ кое-какъ устроились. Поутру испыталъ я такое же страннопріимство. Благодаритель мой бѣгалъ за людьми, заказывалъ кофе и т. п. Какъ же я изумился, когда на разсвѣтъ онъ самъ началъ

готовиться къ отъѣзду, онъ, котораго я по всему принялъ-было за самаго ревностнаго гастгебера! Оказалось, что это одинъ изъ купцовъ, ѣдущихъ въ Таммерфорсъ на ярмарку. Когда я выразилъ ему, какъ умѣлъ, и мое удивленіе и признательность, онъ, пожимая мнѣ руку, добродушно отвѣчалъ, что не сдѣлалъ ничего, кромѣ должнаго.

Если путешественникъ самъ хочетъ править или ѣдетъ съ своимъ кучеромъ, то онъ можетъ не брать никого со станціи; въ противномъ случаѣ, съ нимъ садится подводчикъ, котораго дѣло часто исполняютъ мальчишки отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ. Это бываетъ преимущественно въ то время, когда сельскія работы удерживаютъ взрослыхъ дома. Между сими крестьянами рѣдко встрѣчаются такіе, которые бы своею доброю волей и обхожденіемъ не расположили въ свою пользу образованнаго путешественника. Они, по большей части, хорошо понимаютъ, что значитъ обязанность, и исполняютъ ее строго, совѣстливо; они привыкли встрѣчать въ высшихъ сословіяхъ справедливость и кротость, и потому, кто бы вздумалъ безъ причины обращаться съ ними сурово, тотъ могъ бы только ожесточить ихъ противъ себя. При всемъ почтеніи къ путешественнику, они однако жъ очень берегутъ своихъ лошадей, и повременамъ нельзя обойтись безъ понуканій. Вотъ почему не бесполезно еще въ городѣ вооружиться своимъ собственнымъ кнутомъ. Когда дорога худа или подымается въ гору, подвод-

чикъ обыкновенно соскакиваетъ со своего мѣста, и идетъ или бѣжитъ возлѣ повозки; а если сѣдокъ невзначай уснетъ, то смѣтливый сопутникъ, вѣроятнo также по чувству долга, позволяетъ и коню своему воспользоваться ободрительнымъ примѣромъ. Такъ, по крайней-мѣрѣ, заключилъ я однажды, когда, проснувшись ночью на большой дорогѣ и посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ, что ѣду ужъ четыре часа, а на верстовомъ столбѣ прочелъ только 12.

Путешествуя по Финляндіи, пріятно знать Шведскій или Финскій языкъ: занимательны подъ-часъ бываютъ рассказы и распросы подводчиковъ, изъ коихъ нѣкоторые очень любопытны и такъ словоохотны, что болтаютъ даже и тогда, когда сѣдокъ вовсе не понимаетъ ихъ. Иной молчитъ, пока его не приласкаешь, послѣ чего случается, что онъ со всею учтивостію попроситъ позволенія закурить трубку, которую и вытащитъ изъ кармана своей синей или сѣрой куртки. Если читаешь книгу, онъ иногда изъявитъ желаніе узнать, какую, и даже, заглянувъ въ нее, начнетъ произносить иностранныя слова по-своему: извѣстно, что въ Финляндіи, какъ и въ земляхъ Скандинавскихъ, всѣ крестьяне умѣютъ читать. Пріятное впечатлѣніе на путешественника производятъ мальчики, нерѣдко сопровождающіе его. Въ ихъ степенности и скромномъ обращеніи видны уже плоды уроковъ набожной матери, которую въ хижинѣ ея ничто не отвлекаетъ отъ прекрасной обязанности:

она по закону должна учить дѣтей своихъ грамотъ. Особенными чертами отличаются Чухны Выборгской губерніи. Они показываютъ еще болѣе расположенія къ прозжимъ, по крайней-мѣрѣ къ Русскимъ, съ которыми чрезвычайно любятъ разговаривать и даже шутить, всячески стараясь шеголять своими познаніями въ нашемъ языкѣ и охотно наставляя въ своемъ. Чѣмъ далѣе отъ Выборга, тѣмъ хуже они говорятъ по-Русски, и наконецъ имъ извѣстны едва немногія наши слова, которыя они не только безошадно коверкаютъ, но и употребляютъ иногда вовсе не въ настоящемъ смыслѣ; такъ вмѣсто *итти* или *ходить* часто слышится тамъ *марсирь*, т. е. маршировать. Чухны вообще не такъ безобразны и бессмысленны, какъ бы можно было заключить по тѣмъ изъ нихъ, которые живутъ подъ Петербургомъ и подъ Выборгомъ, гдѣ племя ихъ отъ разныхъ обстоятельствъ исказилось. Далѣе отсюда они представляютъ какъ нравами своими, такъ и наружностію другое, гораздо пріятнѣйшее зрѣлище, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помрачаемое ужасною бѣдностью.

Лошади, хотя малорослыя, вообще хороши въ Финляндіи; но всего лучше онѣ въ Выборгской губерніи, гдѣ и гоньба бываетъ самая скорая; впрочемъ, это надобно приписать отчасти привычкѣ крестьянъ возить Русскихъ, нелюбящихъ тихой ѣзды. Выраженіе: *онъ ѣздитъ какъ Русскій*, обратилось въ пословицу по всей Финляндіи. Съ лошадьми неопытными

было бы очень опасно предпринять поѣздку по тамошнимъ гористымъ и узкимъ дорогамъ; напротивъ, лошади Чухонскія такъ примѣняются къ мѣстности, что даже лошаки и ослы не могли бѣ быть надежнѣе ихъ. Онѣ почти никогда не скользятъ и сами умѣютъ размѣрять свой шагъ; надъ каменистой ли почвой, гдѣ часто для повозки едва есть мѣсто между двухъ острыхъ гранитныхъ глыбъ, или передъ мостомъ, на который дорога, сбѣжавъ съ крутизны, вдругъ сворачиваетъ почти угломъ, или наконецъ на краю пропасти — вездѣ прыткій бѣгунъ, управляемый только слегка и иногда чуть не младенцемъ, сохраняетъ легкую одноколку невредимою. Но усердная служба четвероногихъ, по скудости кормовъ, плохо награждается въ Финляндіи; только въ плодороднѣйшихъ полосахъ, какъ между Гельсингфорсомъ и Або, имъ часто достается и лакомая пища: вмѣсто сѣна, подводчикъ, садясь въ тележку возлѣ путешественника, нерѣдко кладетъ себѣ въ ноги лепешку своего крѣпкаго хлѣба.

Дороги Финляндскія успѣли уже пріобрѣсти такую славу, что не нуждаются въ новой похвалѣ; напротивъ, чтобъ быть вполне безпристрастнымъ, надобно показать и темную ихъ сторону. Мѣстами онѣ не только дурны, но ужасны для терпѣнія человѣческаго. Такова, напримѣръ, дорога ведущая отъ залива Экнесскаго къ крѣпости Гангеудль: здѣсь, на разстояніи 30-ти верстъ, почти не прерывается глу-

бокій песокъ, по которому даже въ каріолкѣ трудно ѣхать съ одною лошадыю. Есть и другія разстоянія, гдѣ путь, хотя не въ такой степени тяжелый, однако также песчаный, жестоко испытываетъ философію странника. Подобнымъ образомъ дѣйствуетъ еще и другое обстоятельство. На многихъ дорогахъ (впрочемъ рѣдко на большихъ) ѣзду замедляютъ запертыя низенькія ворота (grind), очень часто встрѣчающіяся. Они составляютъ часть изгородъ, которыми всякій владѣлецъ окружаетъ и малѣйшую землицу для удержанія скота или въ ея границахъ, или внѣ ея. Отъ того путникъ никогда не позволитъ себѣ оставить незатворенными ворота, черезъ которыя онъ прошелъ или проѣхалъ: дѣло, конечно весьма усладительное для совѣсти, но все-таки не вполне вознаграждающее за потерю времени. Въ мѣстахъ, не слишкомъ малолюдныхъ, при такихъ воротахъ стоитъ обыкновенно какое-нибудь бѣдное дитя, и путешественникъ рѣдко удалится, не бросивъ ему мелкой монеты за услугу, избавляющую отъ непріятной остановки. Иногда задерживаютъ также заливы, рѣки и протоки, пересѣкающіе дорогу; чрезъ нихъ надобно переправляться на паромъ, и для того вблизи всегда есть перевозчикъ или перевозчица, получающіе отъ каждаго опредѣленную плату за трудъ. О горахъ или скалахъ, по которымъ Финляндскія дороги почти безпрестанно вьются змѣями то вверхъ, то внизъ, не лзя говорить какъ о неудобствѣ. Ихъ существованіе нераздѣльно съ самымъ свойствомъ грунта, имѣющаго въ

своей основѣ гранитъ и составляющаго все превосходство тамошнихъ дорогъ, такъ-что для содержанія ихъ вообще немного нужно стараній и издержекъ. Этимъ горамъ путешественникъ бываетъ обязанъ лучшими изъ своихъ впечатлѣній, хотя опасность и прерываетъ иногда удовольствіе мнѣтнымъ трепетомъ.

Разнообразны виды, открывающіеся съ дорогъ Финляндскихъ. Мѣстами они мрачны, дики, мертвенны. По обѣ стороны тянутся либо однѣ скалы, либо скалы, смѣняемыя лѣсомъ, полями, мелкими озерами. То нагія, то обросшія мохомъ или деревьями, онѣ стоятъ не всегда цѣльными массами; но въ нѣкоторыхъ частяхъ края являютъ слѣды какаго-то ужаснаго разрушенія: не только у подошвы ихъ, но и среди открытыхъ полей лежатъ гдѣ кучами, гдѣ разсыянно безчисленные обломки гравита всякой величины и всякаго вида. Иногда огромныя глыбы висятъ на скатахъ горы, какъ будто бы онѣ, сорвавшись съ ея вершины, вдругъ остановились въ своемъ губительномъ паденіи. Такую печальную картину представляютъ въ особенности дороги около Выборга.

Между Гельсингфорсомъ и Або взоръ часто покоится съ наслажденіемъ на свѣтлыхъ заливахъ и ихъ островахъ, на прелестныхъ ландшафтахъ, соединяющихъ въ себѣ общія черты Финляндской природы съ отрадными явленіями довольства и благосостоянія. Привѣтливые красные домики; опрятно-одѣ-

тые поселяне; поля, засѣянные рожью и ячменемъ — все это такъ кстати прерываетъ однообразіе мѣстности. Но другаго рода впечатлѣніе испытываешь тамъ, гдѣ и горы возвышеннѣе, и виды обширнѣе, и озера многочисленнѣе. Такимъ характеромъ отличается вообще внутренность Финляндіи (особенно около Куопію); однакожъ, онъ становится уже весьма примѣтнымъ и невдалекѣ отъ Гельсингфорса по чертѣ, ведущей прямо къ сѣверу оттуда, именно между городами *Тавастгусомъ* (въ 123-хъ верстахъ отъ Гельсингфорса) и *Таммерфорсомъ* (въ 206-ти верстахъ отъ Гельсингфорса), на разстояніи 83-хъ верстъ. Въ эту небольшую раму какъ бы съ намѣреніемъ втѣсненъ цѣлый рядъ очаровательнѣйшихъ картинъ природы, въ которыхъ вода, лѣсъ и гранитъ, будто камешки въ калейдоскопѣ, безпрестанно сочетаются между собой на тысячу новыхъ ладовъ, никогда не утомляя взора однообразіемъ.

Самый *Таммерфорсъ* (городокъ впрочемъ незначительный), который именемъ своимъ напоминаетъ уже лучшее свое украшеніе, прелестный водопадъ, лежитъ въ чудной странѣ среди крутыхъ возвышенностей и множества большихъ и малыхъ озеръ, соединяющихся между собой протоками. Въ его окрестностяхъ есть мѣсто, которое въ краю, болѣе посѣщаемомъ, давно уже было бы предметомъ общаго любопытства. Въ 25-ти верстахъ къ югу отъ Таммерфорса, на большой дорогѣ, стоитъ церковь прихода *Кангасала* (Kangasala). Противъ нея, черезъ дорогу,

возвышается крутая, почти остроконечная гора, опущенная соснами и елями. Кто взберется на нее въ ясный лѣтній день, тотъ полюбуется обширнымъ и необыкновенно-прекраснымъ видомъ, который вдругъ предстанетъ ему со всѣхъ сторонъ. Оттуда видно большое число озеръ, живописно прерываемыхъ зеленью и гранитомъ, и не менѣ живописно устьяныхъ островами; а отдаленные края неба сливаются съ цѣпью синѣющихъ горъ. Величавое спокойствіе, разлитое надъ этою пустынною панорамой, гдѣ едва отыскиваешь нѣсколько селеній и живыхъ существъ, располагаетъ душу къ благоговѣйному созерцанію, и въ тоже время наполняетъ ее уныніемъ. По другому направленію, въ 60-ти верстахъ отъ Таммерфорса, красуется многоводный и величественный водопадъ *Кюро* или *Чуро* (Куго). Если бъ можно было приблизить его къ Петербургу, онъ вскорѣ сдѣлался бы опаснымъ соперникомъ пороговъ Иматры. Высота его довольно значительна, и онъ, вмѣстѣ съ своею окрестностью, сильно поражаетъ душу.

Не такъ далеко отъ насъ, именно верстахъ въ 120-ти за Иматрою и около 35-ти до Нейшлота, есть мѣсто, еще болѣе достойное упоминанія. Это гранитный мостъ, самою природою устроенный на озеръ *Саймъ*. Тамъ, на протяженіи семи верстъ, дорога идетъ по двумъ узенькимъ, но возвышеннымъ и неровнымъ островамъ; между собой они соединены искусственнымъ мостомъ, а отъ береговъ озера отдѣ-

ляютъ ихъ небольшіе проливы, черезъ которые должно переправляться на плотахъ. Эти два острова вмѣстѣ составляютъ такъ называемый *Свиной-Хребетъ* (по-Фински *Pungaharju*, по-Шведски *Svinrygg*). Усталые превосходною, хотя и тѣсною дорогою, а по краямъ то обставленные лѣсомъ и кустарникомъ, то обнаженные, они со всѣхъ сторонъ открываютъ взору безпрестанно смѣняющіеся виды, изумительные красотой и разнообразіемъ.

Посреди столь плѣнительныхъ мѣстъ легко объясняешь себѣ чудную способность Финновъ къ поэзіи и множество ихъ народныхъ пѣвцовъ; не удивляешься, почему они въ язычествѣ признавали верховнымъ божествомъ своимъ и создателемъ вселенной славнаго пѣснопѣвца и изобрѣтателя арфы—Вейнемейнена (*Wäinämöinen*); словомъ, вполне сочувствуешь древнему Финскому поэту, который, описавъ приготовленіе арфы, воображаетъ, что творецъ ея, мудрый, маститый богъ, садится играть на ней и своими звуками приводитъ въ восторгъ всю природу:

Мощный звонъ летитъ отъ арфы;
 Доли всходятъ, выси никнутъ;
 Никнутъ выпрєннiя земли,
 Земли низменныя всходятъ,
 Горы твердыя трепещутъ,
 Откликаются утесы,

Жива вьются въ пляскѣ; камни

Разсѣдаются на брегѣ,

Сосны мрачныя ликують *!

Но — ужели все это относится къ Гельсингфорсу? Такимъ вопросомъ нетерпчивый читатель, можетъ быть, давно уже предупредилъ меня. Чувствую, что увлекся слишкомъ далеко за предѣлы обещаннаго, и (что непростительно!) выступилъ даже изъ рамки заглавія. Каюсь и прошу извиненія какъ въ этомъ, такъ и въ тѣхъ недостаткахъ, которыхъ я, при всемъ стремленіи къ истинѣ, конечно не избѣгнулъ.

Я. Гротъ.

* Изъ 29-й пѣсни поэмы *Калевала*, о которой упомянуто въ выноскѣ на стр. 47.

Jennica VI

